

Настя Комарова

Алушта. Херес. МЭИ.

*Потому что есть «Алушта» у тебя,
А в «Алуште» все твои друзья,
А в «Алуште» все твои мечты,
И Москве не даром позабыла ты...*

Посвящается студентам МЭИ 50-х-60-х г.г., построившим этот лагерь...

2008 г.

Лица и события большей частью реальны, а случайных совпадений вообще не бывает. Восстановлено по воспоминаниям автора и друзей после посещения сайта Игоря Гаврилова и нескольких бутылок белого портвейна «Алушта».

Если кто-то не узнал себя или узнал, но станет утверждать, что такого не было, автор всегда может сослаться на срок восемнадцатилетней давности или амнезию оппонента.

*Есть такие края -
Походи, пощи-ка, попробуй...
Гарик Сукачев*

-Ну, за лошадь!

Кто-то первый обязательно выкрикивает это. Обычно в середине вечера, когда веселье, достигая своего пика, дурманит нас головы пьяным сентиментальным куражом. Вот и сейчас, неважно, кто это произнес, Вика, Маринуля, я или кто-то другой - остальные с радостным гвалтом слишком поспешно и чересчур высоко поднимают рюмки, бокалы, стаканы - когда что, и орут:

-За лошадь!!!

Наши руки соединяются над столом как в мистическом обряде. И на пальцы нам, а потом и в тарелки проливается водка, вино или пиво – когда что. Это наше священное заклинание. Тост родился давно, еще в *той* жизни. Когда, вернувшись, мы отмечали окончание лета и, перекрикивая шум и музыку, Кула сказала:

-Давайте выпьем за «Алушту»!

-За кого? – не поняла я за смехом из-за соседнего столика.

- За «Алушту»!!

-За кого, за кого??

-За «Алушту»!!! – сказала Кула очень громко.

Но я не расслышала и переспросила:

-За лошадь?!

Куле надоело держать рюмку в поднятой руке и орать мне в ухо такое желанное слово. И она смирилась:

-За лошадь, да.

Все немедленно согласились выпить за лошадь - мы тогда и за суслика выпили бы. С тех пор так и пошло. Встречаясь, мы непременно пьем за лошадь. И согласно странному, только нам понятному ассоциативному ряду, перед глазами возникает не какая-то кляча. И даже не чистопородный арабский скакун. А маленькие деревянные домики, затерянные в узком горном ущелье. И море.

Глава 1. ЗДРАВСТВУЙ, МОРЕ!

*Далеко, далеко
Ускакала в поле Молодая Лошадь...
Так легко, так легко,
Не догонишь, не поймаешь, не вернешь.*
Игорь Стрельников

-Я не поеду. С чемоданом – не поеду!!

Не удалось наполнить возглас убежденностью и гневом, что клокотали в юной душе. Помешали слезы, кислым порошком разъевшие горло, и вместо угрожающего рыка получился хриплый писк. Только остановиться, само собой, я уже не могла и, сглотнув кислоту, продолжила протест.

-И что?! Буду таскаться по горам с этим монстром?! Все с рюкзаками, а я... Как дура!
-Но... Что теперь делать то?!

Мама, тоже чуть не плача, растерянно развела руками. Действительно, что уж теперь поделаешь? На Москву уронил густую кляксу поздний летний вечер. Звонить кому-то как, впрочем, и метаться по соседям в поисках рюкзака - бессмысленно.

-Ладно уж, как-нибудь...

Это «как-нибудь» я представляла себе нечетко. А если бы вообразила хоть немного более явно, то уж лучше бы пустилась в путь вообще безо всего.

- Вот правильно! – моментально обрадовалась мама, - До вокзала я тебя провожу, а там на поезде. И до лагеря - ведь не пешком же вы пойдете, правда?

-Ага...

-Ну вот, умница моя. А по горам... кстати, каким горам?! – встрепенулась она, - Вы ведь жить будете в коттедже. В лагере. А там все очень ровненько, я помню...

-Ага, ага, - быстро закивала я.

Эх, мамуля, знала бы ты... Но она не знала и, к счастью своему, даже не догадывалась. А потому продолжала щебетать, собирая меня на отдых. На кровати аккуратными кучками пестрели чистое белье, полотенца, купальник. В отдельных пакетиках, как самое важное – лекарства, теплые носки (это в июле в Крым!) и эмалированная железная кружка с нарисованным ежиком, сохранившаяся от пионерско-лагерного детства.

Я чувствовала себя странно, удручающе по-идиотски, глядя на все это. И было так грустно, что всерьез приходило желание заплакать. И уже никуда не ехать. Плюнув на то, что мечтала об этом последние полгода. Грустно было смотреть на маму, которая хлопотала, ни о чем не подозревая. И тревожно было от неизвестности впереди. Тонкая и необычайно крепкая - словно шелковая, тоска, называемая иногда «предчувствие», тянула сердце вниз, на пол, покрытый уютным красно-желтым ковром эпохи застоя. Хотелось поддаться и, следуя за этой нитью, как собака за поводком любимого хозяина, лечь на ковер, а еще лучше – залезть под кровать. Чтобы прятаться там часов шестнадцать, ровно

до того момента, пока не уйдет поезд. Абсолютно нормально для меня – терзаться высокими материями в момент, когда неплохо бы подумать о земном.

И еще было очень нервно - по вполне уже материальной причине. Жизненно необходимо было не упустить короткий промежуток в суетливой беготне мамы из комнаты в комнату, от моего шкафа к чемодану!

-Девочки, чем-то с кухни пахнет! – предупредил папа с безопасного расстояния.

-Ой, курица же...

Ну - сейчас! Или никогда. У меня минуты две-три, не больше. Вероятно, экстремальность ситуации придала рукам не свойственную им доселе быстроту и ловкость. Вынув из чемодана половину совершенно по маминому мнению необходимых на отдыхе вещей, я должна была всунуть вместо них спрятанные за шторами четыре литра «Рояля»*, перелитого в пластик из-под пепси. И еще два блока «Космоса».

.....

Рояль* – это не музыкальный инструмент. Это спирт производства Польши, по некоторым сведениям – технический. Если его разбавить примерно один к четырем (хотя точной пропорции не существует, а существует только чутье разбавляющего), то получится как бы водка. Очень противная. (Примечания автора)

Когда это началось? Наверное, когда мы сели в поезд. Или раньше – когда бегали по перестроечной Москве в поисках Ватры, Басры, Рояля и тушенки. Шел 1989 год. Те, кто застал это время, отлично поймут все сами. А тем, кто не застал, объяснять все равно бесполезно. Пусть сами догадываются.

Или еще раньше это началось? Когда я не поступила в Историко-Архивный? И до следующего поступления меня пристроили работать в архив Энергетического Института. Дался же моим родителям этот архив! Вот тоже - из меня архивариус, как из папы – стриптизер. Нет, скорее всего, гораздо раньше. Когда я родилась в семье мзевцев-шестидесятников. Наверное, тогда.

Но предположим – дабы не усложнять, что началось это в тот момент, когда мы, потные и нетерпеливые, отважно не сгибаясь под тяжестью багажа, из последних сил терпя суету наших мам, встретились под табло на Курском вокзале.

Вика была с рюкзаком, а я – с чемоданом. Плюс в каждой руке по пакету с продуктами и вещами первой необходимости.

Москву расплющивала пыльная июльская жара, а это значило, что в «Алуште» начинается вторая смена. Что это такое - я тогда еще не знала. А ведь могла бы и не узнать! Если бы не уволилась втихую из своего архива, не накопила четыреста рублей и не наврала родителям с три короба про свою якобы работу – в лагере. Не знала, но догадывалась, а скорее – предчувствовала. Видя то, что мелькало в глазах девочек, когда они произносили это загадочное: ВТОРАЯ СМЕНА. Девочки были там в прошлом году, и вернулись другими. Неузнаваемыми. Существами из параллельного мира - феерического, пугающего и притягательного, как сама Жизнь. Вернулись жрицами, посвященными в Тайну. Ну, а я ехала в первый раз.

Нас провожали мамы, моя и Викина. Викина мама деловито распоряжалась, куда нам всем идти и какой путь искать и где вагон, попутно давала короткие дорожные советы и напутствия. А моя волновалась. И не зря.

Мы вырвались из метро на вокзальную площадь и уже проталкивались к путям, когда услышали сзади окрик.

-Дамы! – укоризненно качала головой некая бабуля, - О чем только люди думают?! У вас же сейчас вещи на землю посыплутся...

Ну, я так и знала. Только вот надеялась, что случится это не столь быстро. Бок чемодана разошелся, а оттуда вылез и свисал уже довольно низко край веселенькой кофточки. Хорошо, хоть не трусы. Я покраснела от злости и досады, мама побледнела от жалости ко мне. Я поняла, что – все. На этом моя поездка закончена. И это не самое страшное - я готова была провалиться сквозь землю, и закрыла глаза, чтобы не видеть уничтожающего Викиного взгляда. А Людмила Александровна, Викина мама, подождав с минуту и поняв, что с нашей стороны не последует ничего кроме истерики, взяла дело в свои ловкие хозяйственные руки. Она вынула у меня из пальцев вспотевшую ручку чемодана, огляделась и лихо бухнула его на капот синих Жигулей, что стояли неподалеку. Потом, порывшись в своей дамской сумочке, достала оттуда к моему изумлению моток бечевки! И в считанные секунды перевязала мою развалюху, да так ладно, что вид у него стал почти презентабельный. Что-то от ретро.

-Пошли! - скомандовала она.

-Спасибо... - промямлили мы с мамой.

Тащить стало даже удобнее, и я повеселела. Я была тогда очень домашней девушкой. Не по природе, а скорее по необходимости и недоразумению. Единственный ребенок, к своим девятнадцати годам я ездила куда-то без сопровождения лишь однажды, да и то не самостоятельно, а в трудовой лагерь. Теперь же было совсем другое дело. Меня отправляли в свободное плавание, с разбитными веселыми подружками в Крым. Мало того – в студенческий лагерь. Мало того - аж на две смены, на целых сорок дней!

-Ха! Чего на одну-то ехать?! – говорили девочки.

Тем более, что ТРЕТЬЯ СМЕНА – это даже не вторая. Судя по рассказам, это - вообще что-то отдельное.

Только вот путевки у меня не было, не помню уж, почему. Наверное, не хватило. То ли путевок на меня, то ли у меня денег на путевку. Не важно, только без нее меня бы никто, никогда, никуда не отпустил. Если бы не ложь про то, что я и Кула едем работать – секретарями Верушкина, начальника лагеря. Якобы нам ничего не заплатят, но жить и питаться мы там будем бесплатно. Такой вот бартер. Это слово тогда только появилось и вызывало уважение. Даже у моих родителей.

У вагона ждали Кула, Нина и Валерка Загребин. На белых занавесочках и на зеленом боку вагона выцветшей голубой краской было написано «Москва-Симферополь». От этого словосочетания сладко и тревожно застучало сердце.

-Настенька! Ха-ха!! – Кула согнулась пополам при виде меня, - Ничего-ничего... - она тактично загнала смех внутрь, заметив наши лица.

Кстати, Кула как раз ничего не врала. Она училась в МЭИ на вечернем, а днем работала секретарем на кафедре физкультуры...

Кафедра физкультуры – это такое место скопления преподавателей этой самой физкультуры, самых красивых, стильных и порочных самцов в институте. К тому же им всем было лет по тридцать, тридцать пять. И нам в наши девятнадцать они казались о-о-

очень взрослыми дядьками! Любой студент по сравнению с ними – просто мальчик-выбегайчик... Ну, по поводу порока это я загнула, какой порок мог быть в те годы? Самый страшный – напиться с утра на работе, трахнуть сегодня привлекательную бальзаковскую бухгалтершу из окошечка зарплаты, а завтра – сопливую гонористую первокурсницу, прогулять день работы по поводу жуткого похмелья, устроить ночную пьянку со студентками в темном спортзале, прямо на сваленных в кучу матах... Вот, собственно, и все. Но для нас, тогда – это было достаточно порочно. Ведь мы оставались поколением, в которое навсегда вбито что-то от Павки Корчагина и Зои Космодемьянской, не смотря на все перестройки.

-Мамуль, познакомься, это Валерий, аспирант... э-э...

Мамулю беспокоило, как я доеду и потому, наверное, она не поинтересовалась, аспирант какой именно кафедры едет с нами в одном купе. Слава Богу, потому что это был, разумеется, никакой не аспирант, а Загреба. Как раз таки преподаватель физкультуры, наш любимый собутыльник, оболтус и красавец. Но был он такой весь чистенький, загорелый, в новых найковских тренировочных и красной футболке! Он и бровью не повел, услышав, как его обозвали аспирантом. Еще бы, он ведь участвовал в заговоре. Еще неделю назад ему было сказано, что он – сотрудник института, специально выделенный для нашего с Кулой сопровождения к месту будущей работы. Сверкнув спортивной улыбкой, Загреба сочно пробасил:

-Здравствуйте, здравствуйте, добрый день. Не волнуйтесь, все будет хорошо... Довезем в лучшем виде!

Он расцеловался с нами, пожал руки мамам, и, подхватив наши вещи, стал заносить их в вагон. Обе мамы, несмотря на свою непохожесть, одинаково растаяли под лучами его мощного мужского обаяния. А он, расплющив нос о стекло, подмигнул мне из окна вагона.

Еще минут пять, показавшихся часом, мы махали ручками из-за мутного окна купе, чуть не плача от нетерпения.

-Позвони, как приедешь, – знаками показала мне мама.

-Ага!

Ага, позвоню. Если найду откуда.

-Кул, ну я точно смогу связаться с Москвой? Нет, точно?

-Насть, отстань! Ты замучила уже... Точно, не точно... - Кула раздраженно плюхнула на грязно-серый железный столик пакет с помидорами, - Откуда я знаю?!

-То есть... Как?!

И вдруг перрон поехал назад. Медленно-медленно и так плавно, что в первую секунду показалось - у меня просто головокружение от духоты в раскаленном купе. Потом – все быстрее, и вот уже отбыли куда-то провожающие, отчаянно замахающие руками.

-Ну что, студентки?! Тронулись!!! - гаркнул Загреба.

И плотоядно потер ладони при виде пакетов, которыми постепенно заполнялся маленький столик. Откуда-то из-за спины он достал и воткнул между продуктами - в самую середину, фаллический символ «Столичной». Во взрослых его мутно-карих глазах отразился зеркальным близнецом мой собственный, абсолютно детский восторг.

- Так. Чью курицу сначала будем есть? – озаботилась хозяйственная Маринуля.
 -Мою, мою! – затараторила Нина, - У меня вареная, она долго не протянет!
 -Нет, мою! – настаивала Кула, - У меня копченая.
 -Так она ж дольше может храниться...
 -Ну и что? – обиделась Кула, - Зато она вкуснее!
 -А у меня жареная... - дернулась было я.

Но меня никто не услышал. Впрочем, неважно. Тревожило тогда другое. Если я не смогу сообщить домой о том, что нормально добралась до места – это будет катастрофа.

- Свежие... А соленьких нет?
 -Кул, ну а может быть... Может, лучше сразу из Симферополя позвонить? А?!
 -Настюха! Да расслабься ты! – стал успокаивать меня Валерка, - Все звонят, и ты позвонишь... Вот Верушкина не будет на месте, Кула тебе свиснет... Да, Кул?
 -Угу...
 -Ну, конечно! У него в штабе телефон... Ты лучше отвечай, тебе чего, водки или, может, шампанского?
 -А что, и шампанское есть?! – легче, чем сама предполагала, отвлеклась я.
 -А то! «Советское» полусладкое. Студентки, кому?
 -Мне!
 -Правильно, Наська, успокойся, – подмигнула Нина, протягивая Загребину бумажный стаканчик, - Или из автомата звякнем – в лагере есть один. Правда, он не всегда работает...
 -И мне!!
 - В крайнем случае – из Алушты, - подытожила Вика, - Она ж не далеко, всего семь километров по морю.
 -И мне!!!

Поезд набирал ход. Как-то очень быстро мелькнула и осталась позади Москва-Товарная. А за ней и все прочее. В купе становилось все уютнее. Рюкзаки, тюки со спальниками и палатками почти без труда уместились в ящиках под нами. Забрасывая мой чемодан на третью полку, Загеба добродушно крякнул, а, садясь, диковато на меня покосился. Я его понимаю. Чемодан был почти неподъемный, и я с ужасом думала о том, как буду тащить его по Симферопольскому вокзалу. Но колеса тархтели мерно и успокаивающе, девочки смеялись, шампанское было теплым и вкусным, и я решила, что лучше уж не думать. А там... потом... как-нибудь... ребята помогут.

Тем более – такие ребята! В соседнем купе ехали качки – Маринулины знакомые, «мальчики из параллельной группы». Они ввалились к нам здороваться и остались. И сразу стало очень шумно и весело. «Мальчиков» было трое – Вадик, Паша и Леша. Они были одинаковые, по-моему, ну, разве что цветом волос немного различались. Кажется, Паша был посветлее, а Леша – потемнее, Впрочем, возможно и наоборот. Я просто не заметила лиц за телами. Тела были знатные. В институте тогда уже всю работала секция боди-билдинга и вся эта секция тоже ехала в Алушту. А как же? Лагерь то спортивно-оздоровительный! Вот они и ехали – оздоравливаться.

Они уселись на нижнюю полку по обе стороны от меня - эти совершенные тела, и сразу стало просторно попе, а плечам тесно. Потому что их собственные плечи норовили соединиться, образуя равнобедренный треугольник как раз на уровне моей головы. Так что я могла теперь сидеть либо откинувшись к стене, либо наоборот, высунувшись неудобно вперед. От этого было еще веселее, колеса стучали, качки оглушительно хохотали, мы пили, Загребин радовался как ребенок. А девочки, вспоминая прошлое лето, сыпали диковинными словами, звучащими, как названия из романа фэнтези.

-Значит так, - командовала Маринуля, - жить будем, скорее всего, на Разгуляе. Оттуда до Храма и до эллинга недалеко.

-А на Сколопендре? – спросила Нинка.

-Не, на Сколопендре точно не получится. Это блатное место, тем более – маленькое слишком. Там только «Палатка Для Вариантов» и умещается... Да, Валер?

Загребин почему-то покраснел и ничего не ответил. К моему огорчению, никто не стал уточнять причину.

Нам быстро надоело курить в грязном, вонючем тамбуре, и мы стали курить в купе. Паша и Леша посидели немного, и ушли к себе, спать.

-У вас накурено, - поморщились они, - И водку мы помногу не пьем. У нас завтра тренировка.

А Вадик остался. Не то, чтобы он любил табачный дым или водку. И все же, по моему, он был не настоящим качком. Ему нравилось у нас. Он сидел тихонько и слушал наш гвалт, иногда пригубливал из стаканчика и улыбался.

-Ты уж извини, Вадик, что мы тебя травим... Жаль, у нас окно не открывается.

-Как это? – удивился Вадик, - А у нас открывается...

Он протянул руку - не вставая с сиденья, взялся за ручку окна, дернул.

-Ура!!! – возрадовались мы и налили Вадику еще водки.

Дело было к вечеру. Медленные сумерки через открытое теперь окно наполнили серо-лиловым туманом пыльное купе. Казалось, мы едем так уже очень давно или вовсе живем здесь, все вместе.

-А что это белье не несут, а? – забеспокоился, зевнув, Загребин, - Пойдем-ка, узнаем. На счет белья.

Когда Загребин с Вадиком вышли, девочки принялись увлечено переодеваться в «дорожное». Они вынули из под нижних полок рюкзаки, и стали в них копать. Они ловко развязывали шнурки на брезентовых карманах, доставали оттуда всякие нужные и приятные вещи – мягкий спортивный костюм, просторные шорты и футболку, белые носочки. Я с завистью смотрела на них и с некоторой тоской - на чемодан, угрожающе черневший на третьей полке. Понимая, что его оттуда уже не снимешь. А если и снимешь, то не откроешь. То есть откроешь, конечно, если предварительно развязать бечевочки Людимины Александровны... Нет уж. Лучше в джинсах и кедах до самого лагеря, а там - разберемся как-нибудь.

Потом мы открыли дверь, потому что не так душно и еще потому, что где-то возбуждающе звенела гитара. И приятный с легкой хрипотцой голос пел о том, как он готов целовать песок. Хорошо пел. И мы подпевали.

Пейзажи за окном тихо темнели. И загорались огни на станциях. И кончилась очередная водка, а щеки болели от смеха.

Длинный парень с ватным матрасом на худых плечах третий или четвертый раз продефилировал мимо, опасно мотыляясь из стороны в сторону. Наверное, заблудился. Он был только в джинсах, и мы с интересом наблюдали, как напряжались все имеющиеся мышцы на его вовсе не спортивной спине. Он был конкретно пьян, впрочем, как и все мы, и гитара явно держалась у него в руках лучше всего остального. Поезд качнулся в самый

неподходящий момент, и он влетел к нам как стоял - с рулоном матраса в поднятых над головой руках.

-И-И-И-И-А! – завизжали мы.

И подставили руки. Поймали, а потом и подняли его обратно на ноги.

-Вставай, вставай. Чего разлегся то?

-Ох, с-спасибо, девушки. С-спасли... - пробормотал парень, поднимаясь, - А какие красивые то все!

Он заулыбался, присел на полку рядом с Ниной, обняв матрас у себя на коленях.

-Как же благодарить? А вот, п-позвольте, ручку поцеловать!

Но руки у всех были заняты стаканами, сигаретами и Кулиной копченой курицей (Нинкину вареную мы доели, не выехав еще из ближнего Подмосковья). Но парень не огорчился.

- Тогда - в к-коленочку?

И он по очереди перецеловал нам колени, всем, кроме Загребина. Его звали Макс. У него были тонкие пальцы и тонкие губы, я тогда впервые поняла, что означает выражение «нервные руки». Они жили как-то отдельно от него, принадлежа, скорее уж гитаре. И он как будто знал об этом, и его это как будто мучило. И как будто он давно с этим смирился, как с неизбежностью. Лишь иногда бледные губы его ломала непроизвольная, тоже живущая сама по себе усмешка. Оказывается, это он пел всю дорогу где-то в начале вагона. И это звенела его гитара. Теперь он сидел у нас, и играл, и пел, и пил, забыв о том, что собирался лечь спать. Мы кричали вместе с ним веселую и неуловимо грустную песню. Что-то про лошадь, которая ускакала далеко-далеко. Мне было радостно за лошадь, но грустно оттого, что ее уже не поймаешь. И - не вернешь...

Макс, конечно, тоже ехал *туда*. Вообще, как потом выяснилось, половина поезда ехала туда. Безумный пьяный поезд. И я была в нем. Мутным от алкоголя и счастья взглядом я смотрела на своих девченок. На людей, которые, крича от восторга, шатались и время от времени падали у нашей двери. На мирные и убогие пейзажи за окном. В голове моей булькали фантастической кашей Сколопендра, Марс, какое-то Стрельбище, Рояль, чемодан и нечто с романтичным названием Аллея Любви. Я плыла и иногда тонула в шумном сумасшедшем мареве, и водка лилась в меня водой, а помидоры с солью были такие бесподобно вкусные, и брызгали кисло-сладко-соленым соком на подбородок, на стол, на футболку и на все подряд... Интересно, как же там все будет... как же... как...

В коридоре, пахнущем несвежими носками и туалетом, я целовалась с Максом. Потому что он так хорошо пел и потому что был такой слабый и нежный. Удивительно - он оказался даже слабее и нежнее меня. От этого стало неловко, и я ушла на свою верхнюю полку.

Я чего-то ждала. Я сама не знала, чего, собственно, жду, хотя дураку понятно, что мечтала я о любви и приключениях. Во всяком случае, мне казалось, что хочу я именно этого. Мы тогда еще не понимали, что жизнь, которая лучше знает, чего нам на самом деле нужно, бывает иногда настолько добра, что дает именно это. Игнорируя настойчивые наши просьбы о другом. И, конечно, всегда оказывается права. Но там, засыпая на верхней полке, когда уши баюкал стук колес, а глаза слепили полосы фонарей на ночных станциях, я мечтала о любви и приключениях.

...Утром я проснулась свежая, как те мелкие зеленоватые персики, что ведрами продают мелитопольские бабульки на платформе. Черт возьми, как же я люблю своих девченок! Спустившись с полки и разлепив глаза, я обнаружила, что чай уже дымится на столе в железных подстаканниках. И узнала, что уже подходит очередь в туалет, занятая кем-то из наших. Чай был странного вкуса, но горячий. А после умывания в болтающемся дребезжащем туалете, жизнь показалась нескончаемой сказкой. И даже жаль было расставаться с поездом. Я бы вот так ехала и ехала, еще пару дней – точно!

...Минут пятнадцать мы стояли там, куда поставил нас Загребин - у туалета в конце платформы. Сам он метался по вокзальной площади в надежде выискать свободного носильщика. Это было глупо. А еще глупее было то, что пока он метался, мы упустили качков, которые непоправимо и как-то слишком поспешно исчезли в жаркой толчее. Так что теперь Загребин – ну, герой, одно слово, ну не знаю... прямо Айвенго какой-то! С тремя огромными рюкзаками - один спереди, один сзади и один в руке, он шел впереди. Мы - за ним. И я не могла жаловаться на свою нескладную ношу, потому что у всех остальных в руках были еще палатки, спальники и самый большой и тяжелый – Викин рюкзак. А у меня – только чемодан. Вевочки ослабли. Они скользили и резали мне ладони, так что одной рукой нести все это стало невозможно. Но в другой руке болтался пакет с жареной курицей, которую мы так и не съели. Мне было жаль это делать. Тем более - я то знала, какая она вкусная! Тем не менее, проходя мимо очередной урны, я тихо опустила туда пакет. Прости меня, мама. Я не ведала, что творю...

Упали мы на лавочках возле какой-то клумбы, и я твердо решила, что умру здесь. Тем более, что место мне очень нравилось. Я с детства любила Симферополь, как преддверие последующих чудес. Мне нравилась пыльная вокзальная суэта, и поезда, как челноки между мирами, и люди в них, оцепеневшие в коротком желанном безвременье. Болезненный горячий ветерок, запахи шашлыков и прокисших фруктов, розовые пуховки мимоз на асфальте...

-Быстро, пошли. Быстро и тихо!! Мы автобус поймали, главное теперь, чтобы не увели. Сможем добежать за две минуты во-о-он туда?

Кула показала рукой вдаль где, если присмотреться, сощутив глаза, можно было различить силуэты машин, дрожащие в жарком мареве. Шел 1989 год. Время, когда деньги еще не решали всего. Больше ценились нахальство, предприимчивость и смекалка.

-По четвертаку с носа и мы в лагере. Там еще человек десять с нами... Только, умоляю, быстрее!

Вот так, не успев ни испугаться, ни надорваться, я оказалась на горячем сиденье старого автобуса-чебурашки. Чемодан мой оказался в багажнике, а в руках у меня оказался бумажный стаканчик с подозрительной жидкостью цвета некрепкого чая.

-Ну, за «Алушту»!

-Алушта! Херес!! МЭИ!!!

Я недоверчиво принялась к содержимому стаканчика.

-Настенька, пей. Пей! Это же – херес!!

Когда они успели его прикупить? Пока автобус, что ли, ловили?! Херес был не просто невкусным - он был отвратительным. Я дивилась - неужели это то, чем, судя по прочитанным мною романам, согревались в своих холодных замках английские

аристократки? Вероятно, да. Потому что девочки эту дрянь явно смаковали. Наверное, надо привыкнуть, решила я. Как к оливкам, например, или к кубинским сигаретам «Лигерос». И я привыкала.

Дорога промчалась шальным золотым мигом. Раздолбанный «чебурашка» катился по серпантину мягче любого мерседеса, ни капли хереса не было пролито мимо стаканов. Только однажды, когда Загребин упал в проход между сиденьями, выплеснув нечаянно липкое вино на мои джинсы. Но это один раз - не считается. Поворот был очень уж крутой.

-А-А-А-А-А! Серпантин!!!!

Завизжали и заревели в автобусе в тот момент, когда я лично увидела море.

-А-А-А-А-А-А-А!! Алушта!!!! У-У-У-У-У!!! Ущелье!! Вон же оно, вон... О-О-О-О-О!

Я тоже кричала, тоже радовалась, конечно, тогда еще не понимая толком чему на самом то деле тут надо радоваться. Я радовалась просто тому, что мы, наконец, доехали. Что – лето. Что со мною мои девчонки, что мы пьяные и счастливые, и что море, и солнце... Главного я еще не знала, и радовалась только этому.

-К морю сбегает палатки!! Эллинг и Домик Косо-о-ой!!! – недружным хором гремел автобус слова алуштинского гимна.

Говорят, от такого иногда вылетают стекла. Я подумала, как же водитель то это выдерживает? Потом узнала, что он привык. Он не впервые туда ехал.

Скатившись по уютной дорожке, по бокам которой каменные стены, седые от солнца, зеленели плющом, автобус остановился.

-Здравствуй, Госпиталка!!!!

Я уже знала, что Госпиталка в Алуште - это такое особенное место, названное в честь Госпитальной площади в Москве. Потому что на нее выходит Красноказарменная улица. А на ней испокон веку стоит Московский Энергетический Институт...

Шум, с которым мы выпали из автобуса, способен был лишить слуха. А потому крайне удивительной выглядела реакция аборигенов... На Госпиталке было тихо и даже как-то сонно. Казалось, что веселимся здесь только мы. Потому как остальные были медлительны и будто бы сильно на чем-то сосредоточены. Лишь некоторые поглядывали на нас с ленивым любопытством. Я еще не знала, что так проявляется высшая степень счастья. Откуда мне было это знать?

Автобус фыркнул, развернулся и уехал, оставив нас в окружении рюкзаков, мешков и палаток. Быстро и незаметно, как в кино, прибывшие с нами люди куда-то растворились. Все, даже Загребин. Ну, понятно - он же преподаватель. Преподавать приехал. И ему полагалось лагерное жилье.

Я огляделась. Напротив, у стены, рядом с каменной скамейкой зачем-то лежала старая лодка. В лодке сидел и курил потрясающий парень. Именно такой являлся мне во вчерашних мечтах - невероятно похожий на главную эротическую фантазию моего детства. Ну, да, да, верно! Он был похож на Маугли. Только еще более смуглый – если такое можно представить, и более... демонический, что ли? Я не успела подивиться тому, что так быстро его встретила – практически, первым. Море синим золотом мерцало рядом, буквально в нескольких метрах. И я даже слышала его бодрый запах, и чувствовала его прохладные прикосновения на своих горящих ступнях...

-Настенька! Радость моя, хватит медитировать!

-А...?

-Пошли заселяться, говорю.

-Маринуль, а может, сначала искупнемся? Ну, пожалуйста!!

-Искупнись ты всегда успеешь, - строго заметила она, - А вот сейчас пустят девченки вместо нас кого-нибудь другого в домик, и все... Где ты вещи хранить будешь?!

Я вздохнула и поплелась с чемоданом вслед за ней. Проплелась шагов пять, и встала. Передо мной абсолютно точно была Пьяная Лестница. Я видела ее только на фотографиях, но поняла очень четко, что это - она. И так же четко осознала, что НИ-КОГДА не заберусь туда со своей ношей. И даже Сизифом пробуду недолго, так как просто-напросто разобью себе голову где-то на третьей попытке.

Я огляделась, уразумев, что, скорее всего, буду жить здесь, на этой площади. Вдоль каменной стены люди в рваных джинсах, или в рваных майках, или почти голые, сидели прямо на земле. И, судя по лицам, занимались каким-то серьезным делом. Может, они тоже тут живут? Тоже в свое время не смогли подняться вверх? Как потом выяснилось, я была не так уж далека от истины.

Со стороны моря в сторону Ущелья по Госпиталке устало перемещался знакомый треугольный силуэт.

-Эй, Вадик! Иди сюда, - позвала Вика.

Вадик послушно подошел.

-Что смотришь? Помоги-ка Настеньке чемодан на Марс занести. Давай-давай. Как водку пить нахаляву, так пожалуйста, а как помочь, так вас нету... Ишь ты...- пробубнила она, но уже про себя.

Вадик, подумав с полминуты, аккуратно свалил свои вещи у подстриженного лаврового кустика. Взял мое чудовище и молча поволок по крутым, высоким и, что самое страшное, неравномерным ступеням вверх. Чемодан опасно елозил в разболтанных веревочках, но Вадик было некогда. Он спешил и не обращал на это внимания, а мне было неудобно его дергать по таким пустякам. Я шла сзади, опасаясь, как бы он на меня не свалился. Ступени поражали неправильностью формы и размеров. Если одна была огромная – чуть ли не полметра в высоту, то следующая непременно низенькая, почти плоская. Если одна выдавалась вперед, грозя оцарапать коленку острым раскрошенным краем, то другая шириной была ровно в половину предыдущей. По-моему ни одна не повторяла другую. К тому же почти все они кренились в стороны под разными углами. Перил не было. Строение на сто процентов оправдывало свое название.

-Да уж - такое можно воздвигнуть только спьяну...

-Ничего ты не понимаешь! – возмутилась Вика, - Не воздвигнуть. А подняться на нее можно только спьяну. Ясно?

Ага, ясно. Не иначе - шутка такая, местная.

-Здесь и по трезвому не поднимешься, не то что... - ныла я, карабкаясь, тем не менее, все выше.

-По трезвому не знаю. Не пробовала.

Она вдруг остановилась.

- А ты? Ты сейчас вот как поднимаешься?
- В каком смысле?
- В каком! Хочешь сказать, ты трезвая, да?!

Я захлопала глазами. Да нет, не очень. Скорее – наоборот.

-Вот! То-то.

Мы были почти на вершине. Черное море открывалось нам навстречу широкой черно-зеленой душой. Мы уже хохотали, предвкушая, как сейчас бросим вещи и побежим купаться. Все это было так близко, и такой чепухой казались мои недавние опасения. Солнце припекало, а ветер доносил с гор запахи костра и еды.

И тогда вот случилось страшное. Я не заметила, как это произошло. Скорее всего, старые замки просто не выдержали.

В сонном, молочно-голубом небе, расправив над лагерем крылья темной харизмы, плыл сексуально надломленный голос Бутусова. И, словно предупреждая о чем-то, стонал саксофон.

Гуд бай, Америка, о-о-о...
Где я не был никогда,
Проща-а-ай навсегда-а-а-а...

Будто в замедленной съемке на Пьяную Лестницу из чемодана, как кишки из вспоротого живота, непристойным разноцветьем посыпались мои шмотки. Вместе с «Роялем». Для полноты картины - последний штрих гениального мастера! вата покатила, весело подсакивая на каменных ступеньках мимо Вадика, который окаменел изваянием Геракла. И прямо под ноги Маугли. Который удивленно на нее уставился.

Самое жуткое было то, что я понимала - все равно ведь придется сойти за всем этим. Спасибо Виксе, она пошла вместе со мной. В полном молчании мы принялись собирать раскатившиеся по Госпиталке предметы.

-Насть! Вик!! – раздалось сверху, - Вы чем занимаетесь?!!

Мы подняли головы. По Пьяной Лестнице, аккуратно переступая через разбросанную одежду, спускалась запыхавшаяся Маринуля.

-Пошли назад, - скомандовала она, - Моих девочек нет на Марсе. В пятой полубочке сказали, они два дня как в Ущелье переселились. Только неизвестно в какой домик. Надо искать...

Нет, в тот день мы так и не добрались до моря. Тогда я и узнала, как это здорово - купаться ночью!

Разбросав одежду по всему берегу, мы голышом падали в невидимые теплые волны. А лунная дорожка тем временем бесстыдно кокетничала с лучами пограничных прожекторов.

-Здравствуй, море!! – кричали мы.

- Шш-ш-ш-ш...! – шептало оно.

И не было в ту ночь на пляже людей, счастливее нас.

Глава 2. РАЗГУЛЯЙ

*Это только вначале кажется,
Что без дома прожить нельзя никак.
Что важней пропитанья кашица,
Чем огромные звезды на небе...*
Андрей Чайников

Ящик не ломается.

Занозы саднят и не позволяют ухватить покрепче широкие доски. Заноз столько, сколько вчера ночью было звезд на небе. И с каждой секундой становится все больше. И втыкаются они все глубже.

Как же я умоталась с этим ящиком... Понаставила уйму безобразных синяков – пока тащила на гору, колючие углы били по ногам. Так ведь его для этого еще нужно было найти! Хорошо, добрые люди у Храма посоветовали заглянуть на Мусор-холл. Там валялось несколько – сосновые, сухие. Я по-честному взяла самый кривой. Который точно уже ни на что другое не годился. И быстро-быстро - чтобы не догнали и не дай Бог, не отняли, понесла через Госпиталку, потом по Алле Любви а потом уже к нам – на Разгуляй.

И теперь он не ломается.

Солнце вне всяких сомнений хочет меня убить. Солнце - ласковое, милое, родное, которое я всегда так обожала, теперь желает, чтобы я скончалась от теплового удара. Получается, что обожала я его несколько однобоко. Обычно – на пляже у воды. Я просто еще никогда не пробовала обожать его на горе. В полдень. В конце июля. И теперь оно мне мстит.

Я нагибаюсь, расставив ноги и уперев руки в колени, с ненавистью и отчаянием гляжу на шершавые, словно лохматые доски.

-Девочка, тебе помочь? – спрашивает кто-то.

Я оборачиваюсь. На тропинке стоит мужик в плавках и белой, вязаной крючком панамке. В руках у него ласты, маска и трубка для плавания. Он смотрит на меня с интересом и жалостью.

-Не надо, спасибо. Я сама.

Почему я так ответила?! Да потому что злюсь – на ящик, на солнце, на девченок, которые в этот момент беззаботно отмокают в рассоле. А еще больше на себя. На свою беспомощность... Мужик, подожди! Но он уже прошел мимо, дальше по тропинке. К морю. Ну, и что теперь делать?

Я решаю перекурить. Курить на солнцепеке – в этом есть что-то от мазохизма, и я уверена, что так мне и надо. Сочась горячим потом, присаживаюсь на пенек у костровища. В висках у меня стучит... А как хорошо начинался день!

...Я проснулась от щебета птиц над головой. Постепенно – по мере того, как приходила в себя, к их трелям стали примешиваться другие звуки. Шум волн внизу, всегда такой разный, что скоро я смогу угадывать количество баллов просто на слух. Бодрое бормотанье ди-джеев из радио рубки. Шелест листьев, гитара где-то вдали и совсем рядом – озабоченный голос Маринули.

-Ну, так как? На костре или в гладилку?

-Нет! Только не на костре!! – взмолилась Нина, - Опять всю эту бадягу разводить... Это ж на час, как минимум. Надоело.

-Да... - согласилась Вика, - надоело. Ну, тогда в гладилку! Все равно дрова вчера кончились.

Минуты три что-то шуршало и падало – это они рылись в рюкзаках. Собирались.

-Так, кофе... Сахар... Кипятильник...

-Кружки!

-Да, кружки... Вик, и щетки зубные захвати! Сразу умоемся. Настенька, ты идешь?

-Угу. Я потом. Попозже, - сказала я.

И перевернулась на другой бок - досыпать. Как всем нормальным совам, с утра мне абсолютно все равно, где кипятить воду и кипятить ли ее вообще.

Проспала я недолго. Во-первых, матрас опять сдулся за ночь и острая коряга под ним больно впивалась в спину. И в бок. И в живот, не давая устроиться никаким образом. Во-вторых, мимо начали бестолково сновать проснувшиеся люди; налетая на мои ноги, некоторые из них чертыхались, а некоторые извинялись – в зависимости от состояния. И, в-третьих, сильно хотелось есть. Я села и открыла глаза.

Некоторое время я улыбалась морю. Оно – мне. Пяти минут нам с ним хватило, чтобы рассказать друг другу свои сегодняшние сны. Потом я взяла кружку, мыло, щетку, и, помахивая полотенцем, стала спускаться в лагерь.

Солнце подогрело пыль на тропинке и, неся резиновые шлепки в руке, я обнаружила, что идти босиком намного приятнее. В глубине Аллеи Любви царил полумрак; ночная прохлада ленилась уходить отсюда, охраняемая ветвями тополей. Создавая естественную анфиладу, они с двух сторон укрывали каменную дорожку и лавочки вдоль нее. Лавочки, удобные, широкие, обращенные к морю, изолированные друг от друга неглубокими альковами, стояли на небольших возвышениях – ступеньки в три-четыре. Поэтому каждая из них походила на трон. Трон любви. Мама рассказывала, что когда-то на одном из этих тронов они встречали с папой рассвет... Сейчас на лавочках, укрывшись полотенцами, спали люди. Наверное, те, которые уже встретили.

Самозабвенно фыркая, я совершила обряд омовения. В зеркале мне понравились темнеющие на скулах и лбу пятна загара; про нос я старалась не думать. Собрала соленые, уже плохо расчесывающиеся волосы в тугий хвост. И вот такая умытая, загорелая и голодная вышла из Храма.

У стены напротив, прямо под неработающим телефоном-автоматом, сидела компания - четверо ребят и две девушки. Кажется, мы вчера с ними танцевали, а потом купались после дискотеки. Они пили пиво.

-Привет!! – окликнули меня, - Как дела?

-Привет, - ответила я.

- Настя, подари мне счастье! – попросил один из них.

-Э...?

Я поняла, что, видимо, чего-то не помню. И на всякий случай ответила:

– Не сегодня.

Я немножко поболтала с ними – неудобно было вот так сразу уходить. Вежливо отказалась от пива и поспешила в гладилку.

Гладилка – это такое специальное место, где можно прокипятить воду, если неохота возиться с костром. Это очень хорошее место, потому что здесь есть розетки с электричеством. Вообще то это просто длинная деревянная беседка. Она уютно устроилась в начале Ущелья, окруженная с обеих сторон двухэтажными домиками из светлой сосны. Выкрашенная в темно-зеленый, она почти сливается с деревьями и кустарником, что шелестит вокруг, создавая натуральную ограду. Здесь всегда приятная тень, что в особо жаркие дни располагает к долгим, почти восточным чаепитиям. А некоторые зависают в ней до вечера.

По внутреннему периметру беседку опоясывают неширокие доски, а в центре стоит длинный стол. Судя по названию, столу и количеству розеток, это место и вправду было построено вовсе не для пищевых целей. Только я лично еще ни разу не видела,

чтобы здесь кто-то гладил... Да и вообще с трудом представляю человека, способного добровольно запихнуть в рюкзак уют. Обычно утром и к обеду сюда стекается народ, дабы вкусить привезенные с собой прелести цивилизации – растворимый Нескафе в аппетитных красных пакетиках, чай или кубик Магги.

Сейчас было более чем свободно, только в углу какая то девочка что-то размешивала в кружке, но, по-моему, не съедобное. Моих в гладилке не было. Не у кого было стрелнуть кофе, и кипяtilьник одолжить тоже было не у кого. Опершись спиной о крашеное дерево беседки, я задумалась.

Вариантов было два: пойти поискать на пляже своих, взять у них кипяtilьник и кофе, и, вернувшись сюда, спокойно его выпить. Либо - поискать на пляже своих, найти и остаться с ними, пережив пока что без завтрака. Лень не долго боролась с голодом; через пару минут интенсивных раздумий я выбрала второй вариант.

И очень скоро утвердилась в мудрости принятого решения – море, слепящее золотыми искрами, преступно было бы променять на сто миллилитров коричневой жижи. «Будет день – будет пища!» – решила я.

-Эй!!

С центрального пирса в мою сторону бежал мокрый кудрявый парень. Я остановилась, не понимая, что ему от меня нужно.

-Лови! – крикнул он вдруг.

И в руки мне упал тяжелый персик.

-Спасибо...

-Не за что, - улыбнулся он и побежал обратно на пирс.

И тогда я его вспомнила. Кажется, пару дней назад я шагала по Ущелью – нужно было взять кое-какие шмотки из чемодана, что хранился в двадцать первом верхе. У меня было яблоко, и я шла, с наслаждением вгрызаясь в сочный красный бок. Навстречу попался незнакомый кудрявый парень. Вместо того, чтобы немного посторониться – только так можно разойтись на узких дорожках Ущелья - он встал, преградив мне путь. И вперился в мое яблоко голодным взглядом.

- Дай откусить! – неожиданно попросил парень.

Я слегка растерялась. Мама всегда говорила, что кусать от чужого яблока негигиенично, и привитая воспитанием брезгливость к тому моменту еще не успела покинуть меня окончательно. И все же что-то не позволило сказать «Не дам!». Что я, в конце концов, не человек, что ли? Тем более у парня были хорошие синие глаза. Я замаялась всего на несколько секунд. Невольно оглянулась по сторонам, как будто сидящая за кустом мама могла увидеть это безобразие, и протянула к его рту руку с яблоком.

-На.

-Спасибо, - сказал он, проглотив здоровенный кусок, почти половину всего, что было.

-Не за что... - пробормотала я.

Я забыла об этом сразу, слегка лишь подивившись непосредственности здешних нравов. Персик был божественным. Я ела его медленно, смакуя каждую каплю густого сока. И выбросила обсосанную до блеска косточку как раз когда подходила к Третьему Пирсу.

Девочки, конечно же, были там. Этот пирс напротив локатора* – третий от конца, как-то сразу нам поллюбился. Во многом потому, что он был наполовину «нудный», а наполовину – нет. Мы пока не решались загорать совсем голыми, а там можно было и так и сяк. Он находится как бы на границе между нормальным и «нудным» пляжами. Здесь всегда было всех понемножку – немножко голых, немножко одетых и немножко как мы – наполовину.

Когда я пришла, девочки доедали фаршированный перец.

-Больше нету!

Вика предупредила мой вопрос, вкусно вытирая рот о махровое полотенце, на котором лежала.

-А где взяли?

-Хе-х, где взяли! Купили. Машина приезжала.

Я оглянулась на эллинг в надежде увидеть знакомый мини-грузовичок. Иногда из Алушты в лагерь привозили еду – арбузы, персики, фаршированные перцы...

-Не смотри. Уехали уже.

- А!

-Бэ. Кто рано встает, тому Бог подает, – нравоучительно заметила Вика.

Я улыбнулась. И ничего не стала говорить ей о своих отношениях с Богом. Кому – так, а кому – иначе.

Мы, как и несколько сотен студентов, что украсили юными телами десять пирсов и девять галечных пляжей между ними, купались, вымачивая из организма вчерашний «Рояль». Болтали, в красках описывая друг другу вчерашние приключения. И загорали, отбирая у сегодняшнего дня часы сна, отданные вчерашней ночи. Когда солнце встало в зенит у меня так громко заурчало в животе, что кое-кто из лежащих рядом даже приподнял голову.

- Ну, кушать очень хочется, - извинилась я.

 Локатор* - это такая круглая, белая и плоская штука. Как тарелка. Для Космоса. Не для сигарет, а для КОСМОСА. По-моему, ее проектируют как раз мои родители в ОКБ МЭИ... Зачем она в «Алуште» - не знаю. Но лучшего места для стоянки панков по-моему просто не найти.

Бабушка говорит, что для улучшения аппетита нужно есть фрукты натошак... Зачем я только это сделала!? Раньше у меня всегда был плохой аппетит. Но только не здесь. И не сейчас.

Я закрыла локтем глаза от слепящего солнца. Кожа на моем плече была настолько горячей, словно только что со сковородки. И издавала вкусный характерный запах. Жареная кожа.

-Да-а... Я бы сейчас пюре с селедочкой, как в детском саду! И еще котлетку паровую... - мечтательно промурлыкала Маринуля.

-А я бы крошки со сметаной! И с хреном. Много.

-А я бы... - сказала я, - Курицу... жареную... как мама делает...

Я издала тихий стон при воспоминании о той симферопольской урне, куда ее положила.

-А талонов сегодня нет, между прочим. Девочки сами сегодня едят.

Нам иногда перепадали талоны в столовую - от тех Маринулиных одногруппниц, что отдыхали по путевкам. Если кому-то из них неохота было обедать, мы делили порцию. Первое, второе и компот.

-Делать нечего, - сказала Маринуля, - Надо идти на гору, готовить.

Зной, тихий и скользкий как змея, жалил в самое сердце, или в желудок, расплющивая обессиленное тело на горячем бетоне пирса. Мой голос был странно слаб, когда я спросила:

-Кто пойдет?

-Кто самый голодный - тот и пойдет! – отчеканила Маринуля, - А мне надоело.

- Да, Настенька, пора тебе привыкать, - поддержала Нина, - А то получается, если ты первый раз в лагере, так мы тебя должны обслуживать... Это неправильно.

-Пошли вместе... - робко предложила я.

-Ну, вот еще! – возмутилась Вика, - Я, например, перцами наелась и вообще, пару килограмм хочу сбросить.

Они замолчали и закрыли глаза, подставив лица солнцу. Я поняла, что это заговор.

-Ну... ладно... Тогда я одна...

Дура. Почему сразу то не хватило мозгов сообразить, что лучше красиво и благородно угаснуть от голода в окружении подруг, чем загнуться в одиночестве от перегрева?!

...Я втыкаю окурочку в сухую землю, с досадой пинаю ногой по ящику. Одна доска отлетает в сторону, а остальные ломаются пополам... Ура!!!

Так, теперь сложить разломанные доски домиком, как в детстве. Мелкие палочки, а заодно и окурки, что валяются вокруг, напихать между ними. Да, еще бумага! Только вот какая бумага? Не туалетная же... А никакой другой нет. Газет мы тут не читаем, картин не пишем. Но девчонки как-то это делали... Опять накатывает беспомощность, а рука непроизвольно тянется к сигаретам в заднем кармане шорт. Стоп. Сигареты. В пачке, кажется, есть бумажка. С одной стороны, правда, фольга, но с другой то – бумажка! Не вытаскивается. Эх... Драгоценный «Космос» рассыпался по земле. Ну и ладно, потом соберу, заодно и подсохнет.

А еще ветер. Когда надо, так ни дуновения, а как не надо - на тебе! Все же удастся с четвертой попытки поднести зажигалку к краю торчащей меж досок бумаги. Сверху солнце уже порядочно запекло мне спину. А снизу костер пытается обжарить лицо и руки, как советуют в кулинарных книгах - «до золотистой корочки». Но меня трудно остановить, когда я ощущаю себя Человеком. Царем природы и Покорителем стихий.

Земля сухая - даже не земля, а камни с песком. И рогатины опасно шатаются, но я беру «специальный» булыжник и стучу сверху по палочкам. Тогда они встают более-менее ровно. О, счастье - в канистре есть вода! Выливаю остатки в котелок и иду к палатке, чтобы порыться в Нинином рюкзаке. Там у нас вся провизия – каши, супы в пакетиках, экзотический рис «Анкл Бенс» и китайская тушенка.

Едим мы, по большому счету, один раз в день. Когда кто-то, обычно, действительно самый голодный, поднимается на гору как я сегодня. Все остальное - случайные перекусы, призванные хоть отчасти забить чувство вечного голода. А потому этот единственный раз должен быть полноценным – питательным, горячим и относительно вкусным.

Я отвергла китайскую тушенку. Во-первых, для нее требуются макароны, которых я не нахожу, а во-вторых, мы ее ели вчера. И позавчера. И третьего дня. А мне хочется удивить своих. Поэтому выбираю суп «Звездочка» - макаронные изделия, сушеные приправы и глюконат натрия в бумажном пакетике грязно-серого цвета. Подумав, беру два – пусть будет погуще. Еще подумав, откладываю один пакетик, а вместо него достаю пачку «Анкл Бенса». Смешаю, и получится то, что надо - и вкусно и сытно! Но чего-то не хватает. Я встаю с колен и задумываюсь, глядя на море. Во мне просыпается великий кулинар.

-Уй-й-юй, блин!!

Отпрыгиваю от костра, дрыгая ногами, как сумасшедшая коза. Благодаря этому успеваю уберечься от плесканувшего на землю кипятка. Рогатина завалилась как раз в тот момент, когда я уже начинала всыпать «Звездочку» в булькающую воду.

-Ну что? Помощь то нужна?

Тот же мужик в вязаной панамке идет обратно. Только теперь в руках у него цинковое ведро, полное свежесобранных мидий. Его друзей несомненно ждет вскорости шикарный ужин.

-Идите, идите... - отмахиваюсь, - Не видите, что ли - мне некогда!

Я подбрасываю в костерок очередную доску с торчащими гвоздями, хватаю канистру и, закусив губу, бегу по тропинке вниз. Добраться до Храма – пять минут, наполнить канистру – еще пять, и обратно. Мне уже не жарко. Не замечая пота, что стекает по лицу, я молюсь лишь об одном. Чтобы не успел погаснуть костер.

...Не знаю, сколько прошло времени – для меня оно пролетело незаметно. В пакете за деревом я нашла помидоры, те, что мы купили вчера с машины. Их три штуки, и они уже слишком мягкие, чтобы есть их просто так. Зато отлично годятся на то, чтобы заправить ими мой суп с рисом! Густой суп или жидкая каша, не все ли равно, раз получается действительно вкусно?

Пламя еще горит, и у меня даже есть последняя лохматая доска. Я больше не теряю время – я точно знаю, что нужно делать. Разбирая сегодня продукты, заметила в Нинином рюкзаке маленький термос-кружку, а у меня в записке есть грамм пятьдесят настоящего молотого кофе! Нужно лишь согреть воду в чьем-то кривом алюминиевом ковшике, что валяется за кустами...

-Валера-а-аа!!! – доносится издали.

Только тогда я замечаю, что уже вечер. Этот крик привычно гремит над горой часов с шести и до самой ночи. Никто не знает, что он означает, так что для нас это

просто сигнал к ужину. И точно – внизу слышны знакомые голоса и привлекательно-хриплый Нинкин смех. Девочки возвращаются домой.

-Так-к... Что это у нас сигареты на земле валяются?! – строго спрашивает Вика, развешивая на веревочке между деревьями мокрые купальники.

Я на нее не обижаюсь. Если бы не Вика, у нас в первую же неделю кончились бы все запасы на месяц. Включая «Рояль».

-Сушатся, - говорю я.
-А-а...

Я наливаю каждой из нас по полной миске густого горячего супа. Девочки невозмутимо, будто так и надо, берут миски и ставят на землю перед собой. Ничего не говорят, но я вижу, как они переглянулись. Они довольны.

Мы едим молча, сосредоточенно, наслаждаясь каждой «звездочкой» что попадает в рот. Рядом вкусно хрустят мелкие камушки. Кто-то быстро идет по тропинке.

-Тарасик!!!

Тарасик невысокий, но поджарый и крепкий. У него светлые волосы на голове и ногах, бледно-голубые эмалевые глаза и жесткая линия рта.

-О!! – говорит он, - О-го-го-го!!!

Подходит и целует всех по очереди, заодно и меня.

-Тарасик садись, садись! Чем Бог послал, угощайся...

Он и не думал отказываться. Садится на землю у костра, скрестив по-турецки ноги в длинных шортах.

-А ты давно тут?
-Да давно... - неопределенно отвечает Тарасик.

Я подаю ему в котелке остатки супа, и гордо смотрю, с каким удовольствием уминается мой кулинарный изыск.

-Валера! Вале-е-ера!! Ва-ле-ра-а-а-а-а!!! – гремит все ближе.

- М-ммм...! Вкусно!! – хвалит Тарасик, - Ой, девченки, молодцы... А вы когда приехали то?

-Вчера, - сообщает Нина.

-Нет, ты что?! - возмущаюсь я, - Мы же вчера на дискотеке были! Вчера мы не могли приехать.

-А... ну тогда, значит, позавчера.

-Не-е-еа... - задумывается Маринуля, - Позавчера я на Сколопендре ночевала. Я точно помню...

-Ну, поза-позавчера. Или нет... Ой, постойте, девочки... А мы когда приехали то?!!

-Может, по билетам посмотреть? – предлагает рациональная Вика.

Мы растерянно переглядываемся. Действительно, а сколько мы уже тут?

-Да ладно, родные, какая разница?! - успокаивает нас Тарасик, - Приехали, и хорошо... Вы где живете?

-Здесь.

Маринуля широким жестом обводит полянку.

-А палатки где? – интересуется Тарасик, долизывая котелок.

-Вот они...

-М-м??

Он оборачивается и очень внимательно смотрит туда, куда смотрим мы все.

На другом конце полянки неряшливой кучей валяются наши рюкзаки. Еще там валяется пара пакетов, надувной матрас и аккуратно свернутая Викина палатка. Вообще то изначально у нас их было три. Но одну мы потеряли сразу, в день заезда, пока искали в Ущелье Маринулиных знакомых. Викину спрятали под деревом. А эту – поставили.

Это Маринулина палатка, то есть – Маринулиного папы. В молодости он часто ходил с ней в походы. Она еще хорошая, только вот железные колышки от нее давно потерялись, и Маринуля привезла вместо них другие. Деревянные. Самолично выструганные папой в очередном походе. Наверное, в подмосковную сырую землю они втыкаются очень легко и крепко. Но только не в спрессованное песчано-каменное нечто у нас под ногами. В общем, я Тарасика понимаю – то, что висит под деревом, скособочившись и вяло покачиваясь на ветру, трудно назвать палаткой в общепринятом смысле... Э, да что там! Он еще не видел моего чемодана!

-И вы в ней спите? – не верит Тарасик.

-Не-а...

Нет, мы в ней не спали. То есть попробовали в первую ночь...

... Улеглись мы часа в два, а в три выползли оттуда с жуткой головной болью.

-Рояль плохой! - предположила Нина.

-Не-е, Рояль хоро-оший... - возразила Маринуля.

-Это в палатке воздух плохой. Душный. И нафталином воняет, - сказала я.

Вика молча постояла рядом с палаткой. Потом медленно обошла вокруг нее раза два-три, как лунатик.

-Сами вы плохие, - сказала она, - Зачем палатку вниз головой поставили?

-Как это?!

-А так. Вы что, не видите, что тут склон?! Надо было наоборот ставить, ногами к морю!

-Ага. А утром глаза непродрамли прямо в это море и посыплемся...

-И вообще, Вик, если такая умная, то сама бы и ставила...

Мы ругались шепотом, потому что на горе давно стояла сонная тишина. Только изредка доносилось с пирсов хриплое пение. Да еще ежики топали в кустах как слоны. Луна освещала склон бледным фиолетовым светом, как старые фонари на нашей улице в Люблино. Ночной ветер хватал влажными ладонями голые плечи и колени. Голова болела сильно. И хотелось спать. И есть.

Какое-то время мы шепотом выясняли, что же нам делать. В результате Вика с Ниной сказали, что они будут спать в палатке, но головой к выходу. А мы с Маринулей

решили вообще в ней не спать. И все вместе мы молча позавидовали Куле, дрыхнувшей сейчас в домике на кровати.

Вообще в полном составе мы ночевали на горе только в ту первую ночь. Потом кто-нибудь из девочек обязательно не доходил после отбоя до Разгуляя. Каждая по своей причине. Один раз Нина праздновала чей-то юбилей в домике у водителей, и весь следующий день мы питались привезенными специально для нас из Алушты красными крымскими яблоками. Однажды Вика забрела после дискотеки в Кулин домик, да там и осталась. А Маринуля просто любила ночевать на Сколопендре. Но тогда...

...Я вытащила наружу один надувной матрас и мы улеглись на нем прямо так, прижавшись друг к другу спинами. На ноги бросили еще влажные махровые полотенца.

-Насть! Ты спишь? – прошептала Маринуля минут через пять.

-Не-а... А ты?

-И я не сплю... Насть!

-М-м...

-Ты есть, случайно, не хочешь?

-Хочу.

-И я хочу!

Маринуля решительно поднялась, и меня подбросило на матрасе – он тогда еще не сдувался. Подтащив поближе свой рюкзак, она принялась в нем копать, что-то нервно бормоча под нос.

-Маринуль, что делаешь?!

-Ищу еду.

-Маринуль... - осторожно прошептала я, - Мы ведь всю еду сложили в Нинкин рюкзак. Ты сама это предложила... Разве не помнишь?

-Не всю!! – патетическим шепотом объявила она, - Смотри, что у меня есть!

В мерцающем свете луны я разглядела надпись на плоской консервной банке – «Бычки в томатном соусе».

-Хлебушка бы... Ну, ладно, и так сойдет. Где у нас открывалка?

-Маринуль, я не знаю... Нет, подожди. Она, кажется, в палатке была. Точно!

-Вот, блин...

Она медленно опустила банку на землю перед собой. Какое-то время мы молчали. Мне очень сильно хотелось бычков в томате. А еще сильнее хотелось порадовать Маринулю, которая сидела рядом, печально вздыхая. Это было трудное решение, но я его приняла. А, приняв, стала рыться в пакете со шмотками.

-На, - сказала я через пару минут, протягивая ей свои новенькие маникюрные ножницы.

«Бычки в томатном соусе» оказались теплой жижей, в которой плавали рыбные головы и хребты. Тем не менее, это одна из самых вкусных вещей, что я когда-либо пробовала. Мы ковыряли в банке одной вилкой на двоих так серьезно, словно выполняли какой-то важный магический ритуал. И с виду, наверное, напоминали двух горе-вурдалаков, что, чавкая, поедают под луной добытую преступлением плоть...

-Дай-ка сюда!

Тарасик протягивает руку и решительно отбирает у меня пластиковую бутылку с «Роялем». И пластиковую бутылку с водой. И еще одну такую же, но пустую бутылку.

- Не женское это дело...

Видно, насколько серьезно он относится к процессу. В полном молчании, с сосредоточенным лицом и взглядом, устремленным внутрь себя, Тарасик делает водку. Он наливает в пустую бутылку спирт – примерно одну пятую часть. Внимательно смотрит, приподняв, и добавляет еще немного. Потом наливает воды, нюхает, прикрыв глаза, и наливает еще, почти до самого горлышка. Две абсолютно прозрачные жидкости струятся, побулькивают и пенятся в его руках, чтобы превратиться в третью – молочно-мутную, как опал. Напоследок он трясет бутылкой, словно настоящий бармен. Это выглядит красиво и даже как-то торжественно.

-Приятно, когда мужчина в доме, - одобряем мы.

И кричим, высоко подняв кружки:

-Алушта! Херес!! МЭИ!!!

Тарасик тоже кричит. Выпивает, шумно занюхивает собственным загорелым предплечьем, а потом спрашивает:

-А почему херес? Это же «Рояль»...

-А нам просто так нравится.

Рядом в кустах что-то хрустит. Я думаю – ежик. Но потом в кустах начинает охать и материться. Потом из них, отдирая себя от колючих веток, на полянку вываливается встрепанный, ошалевший мужик. Он одет, в общем, как все: резиновые шлепки, штаны и когда-то розовая, кое-где порванная майка. Но мне он сразу очень напоминает Снежного Человека – Йети, виденного на картинке в научно-популярном журнале «Знание-Сила». Не знаю – чем. Может, печальным выражением глаз.

-Ребят, а ребят... Ой... Девушки! Девушки, милые, вы Валеру не видели?! А??!

-Какого Валеру?

-Нашего Валеру. Он такой...

Мужик делает малопонятный жест в попытке изобразить, какой из себя этот Валера. Но тут же с досадой роняет руки и заученно объясняет:

-Он в Америку за бутылкой ушел. Еще вчера утром. Или позавчера... Так не видели?

-Не, не видели, - честно отвечаем мы.

-Ну, извините, - огорчается мужик, - Если увидите, скажите, что мы его ждем.

-Ладно, скажем.

Йети разворачивается и идет по тропинке в глубь Разгуляя. Какое то время мы видим его грустную спину. Потом слышим, как хрустит и матерится где-то в кустах.

-Что такое Америка? – спрашиваю я.

-Америка? Да это вон где, за оврагом, – показывает Тарасик, - Там «рванина» стоит...

Тарасик объясняет мне, что такое Америка, между делом развязывая Викину палатку. Оказывается, за «Америкой» есть «Россия» – там стоят «мужики». И где-то еще «Австралия». А за КПП, в яме – даже «Новая Зеландия». Там стоят те, кто не смог подняться на гору.

-А еще есть «Лимония», но это дальше, за «Днепрогэсом»...

Он замолкает, с большим вниманием разглядывая наши деревянные колышки.

-И там тоже люди живут?

-А как же? – удивляется он, - Везде люди живут... Но в Лимонии тухло, там в основном «фирма» стоит.

Боже, как интересно! Я включаю фонарик и принимаюсь вытаскивать занозы из ладоней Нинкиными щипчиками для бровей.

На земле рядом со мной остывает, делясь с сумерками божественным ароматом, настоящий молотый кофе в кружке-термосе. В пальцах у меня дымится подсохший «Космос». Иногда я прихлебываю из кружки и делаю затяжку. Девочки залили грязную посуду водой из канистры и тоже курят, поглаживая сытые животы. Я смотрю на них с нежностью.

А внизу море становится серебряным. Рядом и вдалеке, слева и справа, блестками дорогого вечернего платья мерцают костры. Бездна костров на обеих горах, превративших Ущелье в соблазнительную ложбинку на женской груди, а маленький лагерь – в жемчужину, спрятанную там. Надо всем этим содрогается басами «Depeshe Mode» радио «Сколопендра» и испаривают плотный бархат вечера острые кинжалы гитар. Лиловые боа облаков опускаются все ниже, Тарасик все рассказывает о чем-то смешном и интересном...

Когда он уходил, море уже было черным. Ветер - наглым и ласковым. Над горой опять дрожала та яркая большая звезда, названия которой я не знаю. На нашей полянке, под единственным более-менее кудрявым деревом стояли две аккуратные, ровно натянутые палаточки.

-Валерааааааа... а-а-а... - безнадежно заплакало эхо над морем.

-Пора! - сказала Маринуля.

Стукнувшись железными кружками, мы допили остатки Рояля и стали собираться на дискотеку.

-Хороший был ужин, - шепнула Вика, протягивая мне в темноте свою перламутровую помаду.

И не было в ту минуту на Разгуляе человека, счастливее меня.

Глава 3. БОГИНИ

*Недавно гостила в чудесной стране.
Там плещутся рифы в янтарной волне,
В тенистых садах там застыли века
И цвета фламинго плывут облака...*

- Насть, у нас ножницы есть?
- Угу...
- Дай-ка мне.

Нина отложила в сторону пилочку. Подняла руку к лицу и внимательно осмотрела свою работу. Дунула на ногти и еще раз полюбовалась формой остро заточенных по тогдашней моде кончиков.

-На, лови...

Мы сидим по-турецки на надувном матрасе, а кружевная тень дерева над ним обтягивает нам голые ноги, словно польские ажурные колготки. Перед матрасом на целлофановом пакете разложен целый арсенал для хорошего маникюрного кабинета – несколько пилочек, среди которых есть и полировочная; щипчики, ацетон, разноцветные лаки, кусочки ваты; и даже теплая вода в Викиной стальной миске.

В десять утра солнце печет так, что на горе не осталось уже никого, кроме сухих, как гербарий, крохотных резвых ящерок. Но мы сегодня не торопимся спуститься в лагерь. И даже бирюзовое, изумрудное, а кое-где аметистовое море не в силах отвлечь нас от теперешнего занятия. Только не сегодня.

-Черт!! Насть! Они же не режут ничего. Вообще! Ты что ими делала то?

-Консервы открывала...

Я быстро взглянула на Маринулю. Она в этот момент, высунув язык от старания, покрывала большой палец ноги ярко-малиновым лаком. Зеленоватая, почти прозрачная букашка размером с миллиметр мгновенно туда вляпалась – в самый центр только что накрашенного ногтя. Получилось красиво. Теперь это называется нейл-арт.

-Какие еще консервы?!

-Бычки в томатном соусе... А что? Нельзя?

Кулина рука опустилась, и одновременно с этим упал на землю солнечный зайчик от ее зеркальца. Она прекратила выщипывать и без того изящные брови, чтобы выразительно покрутить пальцем у виска.

-Тебе можно, - с не менее красноречивым вздохом сказала Вика.

Покачав головой, Нина бросила ножнички обратно – мне в руки.

-Ой, ладно, девочки! Не ссорьтесь, – посоветовала Маринуля, - Вот, возьмите-ка мои щипчики, они острые...

Мы охотно послушались. У Маринули сегодня день рождения. Что, собственно, и стало главной причиной, по которой мы так рьяно и массово занялись украшением собственной внешности в это жаркое утро.

Мы долго обсуждали варианты праздника. Их было достаточно. Вот, например - прокатиться на катере в Ялту. Как вам? Заманчиво. Пиво на набережной, раки в настоящих тарелках, красивые мы и незнакомые они... Заманчиво, но дорого. А главное, очень не хочется пропустить «Алуштинские Звезды», которые как раз таки сегодня! Пригласить на гору веселых гостей? Ну, уж нет. «Твердое нет», как говорит Вика. Слишком хлопотно, а главное – как потом выгонять?! Вот-вот. Пойти самим – в гости к кому-нибудь. Да, это самое лучшее, конечно, но уж очень обыкновенно. Чем тогда

праздник будет отличаться от будней? И потом, если идти, то к кому? К одним придешь, а остальные возьмут и обидятся...

Так гадали мы весь вчерашний вечер, опрометчиво заедая на пирсе пиво арбузом. И в результате остановились на соблазнительной мысли устроить девичник. Кажется, именно Маринуля это и предложила.

-Девичничик, представляете?! Такой, без мужиков...

-Точно! – сказала Кула.

-Правильно!! – воскликнула я.

-Гениально, - подытожила Викса.

Нина тоже обрадовалась.

Когда хотелось полного уединения - дабы пошептаться о важных вещах, таких, например, как «кто, с кем, куда и зачем пошел вчера после дискотеки», чтобы вкусно посплетничать и поделиться интимным, мы брали все тот же надувной матрас. Разумеется, гораздо лучше для этого подошел бы катамаран! Мы это знали, но на катамараны всегда была очередь. А потому, крепко зажав в поднятых руках спички и сигареты, мы ложились животами поперек матраса и уплывали за буйки. Это было романтично и здорово - курить в море, спасая огоньки сигарет от соленых брызг, но не всегда удобно. Ветер гасил спички, волны попадали в рот, да и ноги все-таки иногда замерзали.

В общем, мы давно уже этого хотели. И вот сегодня, в честь праздника не поленились пройти на пирс «морслужбы», чтобы занять очередь. Любой труд не остается без награды, особенно если в него вложено подобающее количество энтузиазма. Солнце еще не успело начать свой нетерпеливый бег к вечеру. Оно держалось в зените, как начинающий алкоголик, которому не трудно сказать себе «Я до двух не пью», зная, что до двух остается не больше пятнадцати минут. Примерно столько и было, когда мы услышали призыв стройного, как кипарис, спасателя:

-Эй, девушки! Забирайте!

Стройный кипарис помог – буквально втолкнул тяжелую, слепящую свежей белизной краски машину в сопротивляющееся море. Погрузив вещи, мы взгромоздились на скользкий борт. Это было колоссально. По сравнению с матрасом катамаран казался пятизвездочным тихоокеанским лайнером. Ну, прямо какой-то «Михаил Светлов»! И так же лениво и торжественно, с такими же возбужденно-радостными пассажирами на палубе он отчалил от главного пирса в сторону Турции. С главного пирса, свесившись через перила беседки морслужбы, нам махали руками-ветвями стройные кипарисы – спасатели.

...Когда-то давно, в далеком и дивно сказочном 1968 году, мой папа работал спасателем в морслужбе. Мама рассказала мне эту историю со смехом, потому что это действительно было смешно. Они учились на третьем курсе АВТФа, и папа к тому моменту был КМСом по фехтованию. При его росте под метр девяносто пять он обладал фигурой, которую мама называла «наглядное пособие по анатомии мышц». Папа с детства занимался спортом – легкой атлетикой, фехтованием и даже «подбрасыванием гирь». Но плавал папа всегда как топор. Он и теперь так плавает.

И вот, когда подошла его очередь распределяться в секции, начальник по спортивной работе, взглянув на моего папу, сказал: «Комаров? Хор-рошоо... Будете спасателем, Комаров, в морслужбе!». И поставил какую-то галочку у себя в блокноте. Папа не испугался, но удивился. И как честный человек счел своим долгом предупредить: «Как в морслужбе? Я не могу в морслужбе! Я плавать не умею!!». Начальник по спортивной работе строго сказал: «Давай-давай, Комаров, нечего задерживать!» и, усмехнувшись, пробормотал себе под нос: «Ишь, шутники!»... Вот так и получилось, что

папа мой всю смену отработал спасателем в лагерной морслужбе, практически не умея плавать. Но в те далекие и дивно-сказочные годы, судя по рассказам моих родителей, еще и не такое бывало...

...Солнце, рентгеном просветив таинственные внутренности моря, заодно прогрело их до температуры счастья.

Катамаран неуловимо покачивается - словно, задремав, дышит в такт нашему дыханию. А мы блаженствуем. Кула с Викой на высоких сидениях, я и Маринуля – рядом на полу. Позади сидений в относительной тени лежат фрукты, вино и Нина.

Жара, лень, разговоры – все именно так, как мы и хотели. Шампанское с арбузом и персики с хлебом. Небо, плюющееся в море золотыми скорлупками солнечного ореха. Тишина и чайки.

Мы медленно и со вкусом - с таким же, с каким слушали хруст разрезаемого спелого арбуза, обсудили новости и ощущения последних дней. Узнали, кто этот темненький смазливый ди-джей, что кокетничал с Чучей вчера на дискотеке. Вычислили методом исключения, с кем проводит ночи в Палатке Для Вариантов Загреба. И для кого была заказана звучащая сегодня утром на радио Сколопендра Гладковская «Ария Трубадура». Правда, так и не поняли, зачем компания в живописно порезанных майках и разноцветных пластмассовых цепях перетаскивала весь вчерашний вечер чье-то бессознательное тело из одного угла Госпиталки в другой. И обратно. И так много, много раз... Наверняка у них была на это причина, постичь которую для меня, например, было равносильным познанию смысла жизни.

Первозданная, практически девственная природа впитывает и растворяет в себе. Пятеро маленьких ярких частичек – крошки кристаллизованной синьки в килограмме «Тайда». Горчичники Солнца на носу и плечах, пятки в йодированной ванне Черного моря. Чайки и тишина.

- Пора! – говорит Маринуля, снимая плавки.

Лифчики мы сняли почти сразу. В них уже как-то некомфортно.

- Да-да, - подхватывает Нина, - А то на нудный пляж выйти неудобно – попа белая, как у попадьи...

-А ты видела, какая у попадьи попа?

-Конечно,

-И какая?

-Да вот такая!

- Правильно, правильно... Надо попой загорать, чтобы на ней прыщиков не было...

Действительно, выглядим мы несколько странно. Грудь у каждой из нас успела покрыться разных оттенков и концентрации, но все же загаром, а вот треугольники внизу живота остались неприлично бледными. Продолжая сидеть на полу, я спускаю плавки до колен. И уже почти вынимаю из них ногу, но запутываюсь в хитрых завязочках купальника. И как раз в это время слышу стремительно приближающийся, не вполне природный звук.

Я не успеваю даже ойкнуть, когда напротив притормаживает моторка. В лодке сидят трое ребят, и еще один стоит, подозрительно пошатываясь. Я мгновенно узнаю этот образ – бронзовые плечи, красная бандана на шее, повязанная как пионерский галстук, экзотично порванные джинсовые шорты на узких бедрах. И кубики пресса как на плитке темного Бабаевского шоколада. Ошибиться невозможно – наглым образом на нас глазет тот самый Маугли.

-Команда, на аборррда-а-аж!!! – вдруг не очень членораздельно хрипит он.

И принимается расстегивать себе шорты! К горчайшему сожалению я не успеваю рассмотреть то, что они скрывали. Под дружный мефистофелевский хохот моторка рвет с места, унося в необъятную морскую даль моего корсара. Сам он едва не падает, и его длинные волосы реют на ветру черным пиратским флагом.

-Дурак! – смеются девченки.

А Вика дружески машет рукой вслед удаляющейся лодке. В ответ на такой же взмах Маугли.

-Ты его знаешь?! – изумляюсь я.

-Да кто его не знает? Это же Костик Демидов, - бросает Вика.

-А...??

-Он в прошлом году был. Кажется, с ЭТФа. А может, и нет.

Я поражена. Как она может так хладнокровно, так безмятежно и покойно произносить это имя?! Да еще и ухмыляться вполне себе пренебрежительно!

-Симпатичный мальчик, - наблюдательная Нина примечает выражение моего лица.

-Красивый...

-Да? – удивляется Вика, - Возможно... Только пьяный все время.

-Они все пьяные. Все время! – счастливо хихикает Маринуля.

Не совсем понятно, кого она имеет в виду – всех красивых мальчиков с ЭТФа, всех алуштинских ребят и же вообще весь мужской род.

-А мы? – многозначительно спрашивает Кула, протягивая руку к пакету.

-И мы!!

В который раз идет по кругу шампанское? Оно, конечно же, теплое, а пьем мы, разумеется, из горлышка, обливаясь пузырьками. Сейчас они радужно искрятся, стекая по загорелой Маринулиной груди. Ну, просто Афродита в пене! - думаю я с восхищением. Мы все словно греческие богини - обнаженные, молодые и свободные. Всемогушие и, что самое замечательное, всего хотящие. Шампанское заканчивается мгновенно, и Кула с непременным хлопком и брызгами открывает следующую бутылку.

-Алушта! Херес!! МЭИ!!!

Иногда мимо проплывают другие катамараны. И лодки. Сидящие в них люди, глядя на нас, делают призывные жесты, кричат комплименты и двусмысленности. Мы же с божественной невозмутимостью следуем мимо, не удостоивая никого своим бесценным вниманием. Мы плывем все дальше и дальше. Так что скоро берег со свечечками кипарисов начинает казаться праздничным тортом в коробке неба. Настает время подарков.

-Это тебе, Маринуличка!

-С Днем рождения, студентка Мариночкина!!!

И тогда мы вручаем растроганной Маринуле мягкую пачку «Салема». Привозного. Роскошно-длинные, тонко благоухающие белые палочки – совсем белые, с узкой зеленой полоской и изящной, тоже зеленой английской надписью на фильтре. Стоит ровно в

десять раз дороже привычной дукатовской «Явы». Но ведь целых двадцать штук! Это настоящая роскошь, припасенная еще в Москве специально для такого случая. Именинница спешно распечатывает ее, дабы выдать каждой из нас по сигарете. Что становится последним штрихом в картине неизвестного художника-примитивиста «Купающиеся богини». Когда с тихими стонами мы сползаем с катамарана, лазурь закипает вокруг нас и шипит как плевков в костре. А надо всем этим закручивается дивным импортным маревом дым сигарет с ментолом...

Меня-а-а-а-а ты пойме-е-ешь!
Лучше страны не найде-е-е-шь!!!

Кричим мы, ныряя до умопомрачения, и, отплеываясь соленой водой, от восторга выводим рулады, которым позавидовала бы Агузарова.

Па-пара-пара-пара-пап-парам!
Па-пара-пара-пара-пап-парам!
Па-пара-пара-пара-пап-парам!
Ууууу-х!!!
Меня-а-а-а-а ты пойме-ее-еешь...

...Зной необыкновенно ласковый - именно такой бывает у богов на Олимпе. А мы, как и положено качаемся на облаках, вкушаем амброзию, вдыхая дым жертвенных благовоний. Вика восседает на высоком троне, а золотой шлем воительницы Афины подчеркивает благородство ее гордого профиля. Рядом с ней, чуть прикрытая шкурой какого-то дикого зверя, натягивает тетиву Кула в образе ловкой и безжалостной Артемиды. Сверкая на солнце золотыми прядями недавно промелированных волос, причесывается драгоценным гребнем Афродита-Маринуля и Нинка лежит, вся увитая виноградом – роскошная Гера. Себя я не вижу, но чувствую. Несказанно приятное ощущение - быть кем-то вроде менады из пьяной свиты Диониса на божественном пиру... А вот и Маугли в роскошно порванном джинсовом хитоне, не скрывающем ни одно из его достоинств, подносит мне к губам золотой кубок. И почему-то льет амброзию на мое неземное плечо. Оказывается, она из холодильника! У нас на Олимпе есть холодильник? – удивляюсь я. А он все льет, и хочется уже сказать ему: «Ты что, дурак, что ли?!», когда я вздрагиваю и открываю глаза.

Не иначе Владыка Зевс разгневался - как всегда, подглядев картину чужого счастья. Позавидовал. И мечет теперь громы и молнии на головы ни в чем не повинных небожителей...

Голые девченки спят кто где, непринужденной красотой поз изумительно похожие на наяд из моего сна. Только отнюдь не это самый сильный момент в полотне, достойном кисти Айвазовского. В колоритном полотне, что открылось моему хмельному взору. Самый сильный момент - это вид моря, переменившегося так, как умеет только оно. И еще вид далекого берега, который еле угадывается сквозь потемневший воздух.

-Ох, ты б...!

Вика вскакивает слишком резко. И с грохотом падает, не удержавшись на скользкой поверхности катамарана.

-Осторожно!!

-Викочка, куда?!! – визжит испуганная спросонья Кула.

Все же Вика молодец – успевает схватить ползущие в море тряпки. Мы хотим ей помочь, но поздно понимаем, что наглой волной уже смыло в море сигареты, обувь и пакет с остатками еды. Слава Богу, что не смыло купальники. А только намочило. И полотенца тоже...

-Обратно... Обратно надо!
-Где берег то, мать вашу?!

В это время катамаран подбрасывает так, что все замолкают. Для пущей убедительности по уху и лицу лупит соленая длань внезапно похолодевшего моря.

-Возвращаемся, быстро!!
-Настя, теперь ты крути! И ты, Маринуля, садись давай... Мы сюда крутили, у меня ноги устали...

Я кручу. То есть – пытаюсь. Только теперь понимая, ЧТО это такое. И абсолютно не понимая, каким же образом в таком случае нам удалось здесь оказаться – до берега явно.. ну, сколько-то километров! Ноги начинают дрожать практически сразу. Но я отважно берусь за железную палку, которую девочки почему-то называют «руль».

-Разворачивайся к берегу... - кричит Вика, - К берегу!! Я говорю к бе... Да не туда же, блин!!!

Мне так только кажется или мы действительно не двигаемся с места? Несмотря на явно нечеловеческие усилия. НЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ. Неизвестно, сколько проходит времени, когда парализованным от страха сознанием вроде бы начинаю постигать, в чем дело.

-Я не умею рулить...
-Что??
-Я не умею рулить!!

Викино возмущение едва ли не ужаснее беснующегося вокруг шторма.

- А что ты вообще умеешь?!! Давай, учись вот...

Я стараюсь. Честно силюсь понять, трезвея в этой свистопляске, что вот если я сейчас эту железячку сворочу влево, то лопасти под нами завертятся... вправо? И мы тогда поплывем тоже вправо?... Или влево?!!

-Заберите у нее руль!!! – надсаживается Вика, хватаясь за голову, - Руль заберите у нее, ради Бога... Я ее сейчас убью!!

Но я вцепилась в железку намертво. И Виксе нужно повозиться, чтобы убедить меня разжать пальцы. Наконец, ей это удалось - когда до меня дошел смысл того, что она кричит.

-Иди на фиг, Настенька! Я сама лучше буду рулить... А ты крути, крути давай!! Нажимай на педали, не отвлекайся!

После этого дело идет лучше. По крайней мере, направление наше не изменилось ни разу за все остальное время. Время, запомнившееся навсегда – ни разу больше, ни до,

ни после этой морской прогулки я не вкладывала во что-то столько физических сил! Оказывается, ОЧЕНЬ трудно крутить педали катамарана, на котором находятся пятеро человек во время шторма. Мышцы ног и спины реально сводит от напряжения, и каждый следующий нажим искренне почитается последним... Вдруг... О нет, лучше бы я не поворачивала голову назад...

Туча - не черная, но такого несказанно жуткого и красивого цвета, какого просто не бывает! Несется явно быстрее задувающего ветра. Причем несется не по небу – еще минута, и она рваной шевелящейся краями мазанет по морю... А вокруг – никого. Ни лодок, ни катамаранов. Вообще никого! Все нормальные люди давно причалили, завидев только, как начинают темнеть воздух и вода. Естественно, они ведь - не боги. Всего лишь люди. А потому не могут позволить себе послеобеденный сон в открытом море...

-Без паники, - командует Маринуля, - мы доплывем... Крути, Настя!! Опять мечтаешь?!!
 -В конце то концов, спасатели же есть... - с надеждой лепечет Нина, - Они нас видят, наверное - в свой бинокль?! Ведь... правда...??
 -Наверное...

И тут волей-неволей приходится отдохнуть. Чтобы прочувствовать должным образом, КАК трудно на пробующем перевернуться катамаране натягивать непослушными руками мокрые купальники на мокрое тело. Тело, которому снаружи холодно от ледяного ветра, а внутри жарко – от страха...

-А то, представляете... ой!... приплывут... нас вытаскивать... Ай!! А мы тут го... гооо-о-о!!!... лые валяемся...
 -Да уж. Неприлично!
 -Если приплывут...

Я еще не рассказывала девочкам ту историю, про папу. Просто не успела. И они не знают, какие бывают спасатели. Но я то знаю!

Медленно. Очень-очень медленно. Трудно, страшно, смешно, неуклюже и нервно, но все же нам удастся приблизиться к берегу. И мы уже можем видеть, как стройные кипарисы, спрятавшись от дождя в своей беседке морслужбы, смотрят на нас в бинокль. И ржут как кони! При этом делают энергичные жесты, что-то выкрикивая:

- Ну! Ну!! Ну!!! Еще, еще немного...
 - Вот, вот... Поднажми! Ха-Ха!!! Га-га-га!!
 - Давай, давай, сама-сама-сама...

Убью гадов. Лично. Сама. Вот только доплывем... Впрочем, спасибо - именно это желание и помогает сделать последний рывок.

Ливень - на удивление теплый, вылился весь за каких-то три минуты. Как раз когда наш лайнер девятым валом чуть не вынесло полностью на пирс. Вместо грома был лязг железа, впечатавшегося в бетон. Вместо молний – наши взгляды, адресованные помирающей со смеху морслужбе.

Я выхожу последняя. Сердце уже не вылетает из груди, оно почти остановилось. Страшно лязгая, бьется о пирс бок катамарана, «кипарисы» выскочили, наконец, из своего укрытия и галантно подают руки девочкам, помогая сойти. Для этого нужно встать ногами на сиденье, потом на спинку сиденья, а потом уже, вцепившись в их руки, шагнуть.

Я так и делаю. Дрожащими от холода, а еще больше от страха и напряжения ногами встаю на мокрую сидушку. В этот момент катамаран отталкивается, и я, конечно, проваливаюсь в образовавшийся зазор...

Не успеваю вынырнуть, как в миг оказываюсь стоящей на пирсе. Куда четыре руки вытянули меня с такой силой, что я чуть не взлетаю. Что-то задевает по спине, но вот я жива, здорова и уже на суше, слава Богу... Что такое? За что люблю «Алушту» – ни ветер, ни шторм, ни ливень не в силах разогнать степенно выпивающий народ с пляжа! Только теперь этот пляж стоит и смотрит на меня бешеными глазами. Как будто я - это не я, а невиданное доселе существо, только что на глазах у всех возникшее из морской пены... Ну и в чем дело?! Недоуменно оборачиваюсь и вижу, что девочки глядят в мою сторону с еще большим ужасом. А у кипарисов такие испуганные и растерянные лица, что мне уже не хочется их убивать... Да что такое то?!

-Ничего, Настенька, - ласково говорит Нина.

И зачем-то набрасывает мне на плечи тяжелое мокрое полотенце.

- Пошли в медпункт.

-Зачем?! - удивляюсь я, - Пошли домой... Холодно же!

-Ничего-ничего, - повторяет она тоном опытного психиатра, - Потом переоденемся. И согреемся, согреемся тоже потом...

Так вот в чем дело! Оказывается, меня чуть не прихлопнуло. Когда я провалилась в дырку между пирсом и бьющемся о него катамараном. Еще секунда, сказала Нина, и моя голова была бы размазана о бетон не хуже тех медуз, что ребята иногда швыряют в него. Забавы ради - посмотреть, как разлетаются в стороны мелкие прозрачные ошметки.

Пляж провожал нас в почтительном молчании и все еще частично стоя. Хотя... так, наверное, и нужно приветствовать появление богинь из морской пены?

...В медицинском кабинете спряталась полумгла. Молодой фельдшер в сандалиях на босу ногу, в белом халате на голое тело полулежит на клеенчатой кушетке в позе мадам Рекамье. И читает газету. Мы робко толпимся на пороге. Он поднимает голову. Внимательно оглядывает нас всех, и тихо спрашивает:

-Что?

-Доктор, - говорит, Маринуля, - Помогите.

-Что??

Девочки молча поворачивают меня спиной. Сдергивают полотенце. Оказывается, падая, я все-таки что-то там задела. И от испуга не почувяла, как от лопатки до поясницы меня прочеркнула жирная глубокая царапина с розово-ободранной кожей по краям и сочащейся кровью в середине.

-Ух, ты! Неплохо... - одобряет доктор.

И заливает мне спину йодом.

...Потом я сижу на влажном матрасе в теплых сухих джинсах и Нинкином хлопковом свитере поверх футболки. Белые носочки под кедами тоже сухие и теплые. Спину немного щиплет при движении – это подсыхает царапина, и я невольно морщусь, когда тяну руку стукнуться кружками с Маринулей.

Внизу кипит море, укрощенное нами. А в плечи толкает упругими волнами веселья сумеречный Разгуляй.

Девочки разожгли костер. Готовить ничего не стали. Просто открыли большую банку вкусной китайской тушенки, порезали толстыми кусками серый хлеб из столовой и заварили в термосе крепкий сладкий чай. Костер сегодня нужен только чтобы погреться, посмотреть на пламя. Вика смешала Рояль с водой и разлила по кружкам. Я выпила, и мне

стало так тепло, как никогда в жизни. От огня? Или от спирта? Или от хохота девченок, услышавших, что в Америке аборигены снова громко призывают неведомое божество по имени Валера? Надо помочь им, что ли...

-Валераааааа!

-Ва-але-ера-а!!

-ВАЛЕРА! ВАЛЕРА! ВА!!ЛЕ!!!РА!!!!

Так звали мы на все лады до тех пор, покуда не охрипли. А когда перестали, слышали точно такие же крики с разных стоянок. По всей горе то утихающей, то могучей волной вновь и вновь рокотал призыв. Они были общими. Это имя, ставшее уже некой мантрой, веселым заклинанием для сотен язычников, что раскрасили горы веснушками костров. И этот потерявшийся мужик, который теперь мог выйти к любому из них, точно зная - его везде ждут. Приходи и к нам, Валера!... Может, еще придет?!

Я закусила тушенкой из банки, занюхала мокрой Нининой головой, что была рядом и прикурила от костра сырой «Космос».

Приглушив на минутку незабвенный «Мираж», радио Сколопендра сообщило, что вопреки опасениям и неблагоприятным прогнозам погоды фестиваль «Алуштинские Звезды» состоится в ранее назначенное время.

-Нужно места в Зеленом Театре занять! – суечусь я, - А то ведь не хватит...

Я действительно очень боюсь пропустить эту феерию, о которой столько слышала в Москве. Мне говорили, что это непередаваемо. Говорили, там творится такое, чего не снилось ни одному КВНу в телевизоре. Говорили даже, что там иногда участвуют такие потрясающие люди, как Маркин, Минаев, Шустницкий, Градский и бог знает кто еще... И что ведут они себя там тоже как бог знает кто.

-Хватит, хватит... нам займут, не волнуйся, Настенька... я утром с футболистами договорилась, - успокаивает предусмотрительная Кула.

Значит, у нас есть еще как минимум сорок минут. Целых сорок минут, чтобы побыть друг с другом и с этим вечером! Небо. Море. Костер. Мы и Разгуляй.

Нина осторожно намазывает розовую, а в лучах заката малиновую попу сметаной, выпрошенной в столовой. Девочки взбудоражено обсуждают Приключение и уже строят планы относительно того, что будем делать после «Звезд». В смысле - где, с кем и как станем сегодня веселиться и безумствовать до утра. Я тоже строю планы. Поскольку мечтать и строить планы для меня всегда было одним и тем же. Возможно, думаю, я снова увижу там пирата-Маугли... То есть, уже не Маугли - у него ведь оказались имя и фамилия, вполне человеческие и в то же время красивые, как музыка. Или как псевдоним у артиста.

-А здоровский девичничик получился, да?!

-Ага...

Сидя на матрасе плечом к плечу, раскачиваясь в такт, и не выпуская из рук кружки, девочки разливаются песней композитора Максимова, который в прошлом году выступал на Алуштинских Звездах. Про «День рожде-ения твой не на праздник па-а-хо-о-о-ж...»

Я азартно подпеваю и курю, пуская кольца дыма в путешествие над серебряным морем. Я все таки надеюсь поймать тот вечно ускользающий от меня момент, когда оно из серебряного становится черным. И конечно снова его пропускаю.

-С Днем рождения, Маринуля! – говорю я.
-Алушта! Херес!! МЭИ!!! – отвечает Маринуля.

Солнце тонет ошеломляюще быстро - трудно поверить в то, что Земля крутится с такой скоростью.

И нет на этой самой Земле богинь, счастливее нас.

Глава 4. ДИКАРИ

*Мы «Дикарей» не забудем!
Мы дикарями умрем!
Гимн лагеря МЭИ*

Вдруг он перестал прыгать.

А я не сразу осознала, *что* произошло. И еще с полминуты продолжала тянуться руками к небу - подскакивая, взвизгивая, хохоча ловить ладонями тяжелые радужные струи. Но на очередном взвизге до меня дошло. А в помутненном сознании сверкнула изумрудом первая мысль: *Зеленая Футболка!* Вторая мысль, явившись непосредственно за первой, ибо мыслительный процесс включился так же резко как вырубился не знаю сколько времени назад, принудила обмереть статуей Внезапного Счастья.

Вода падала сверху, больно стуча по темечку и плечам, делая скользкими резиновые шлепки, текла с волос, заливала глаза. А мы стояли друг напротив друга неподвижные, в чудном киношном диссонансе с прыгающей и орущей вокруг толпой. Он так внимательно смотрел на меня... я заметила, что смотрит он на меня слишком уж внимательно и тоже посмотрела на себя. Увидела голые ноги в мокрых шлепках – я сразу же их сняла, чтобы было чем размахивать над головой, - и ярко-зеленую футболку. Футболка была абсолютно мокрой и приклеилась к телу самым живописным образом...

...Как-то раз мы пришли в гости к Анечке Дубовой и собирались на дискотеку. Анечка с подругами жила в Ущелье на первом этаже, где с большим чувством собственного достоинства пользовалась «путевочными» благами. Она вообще была «правильная» девочка. Ночевала в домике, не пила «чпок», водку и самогон – ну, если только «Массандру» иногда. Она делала себе освежающие маски из персиков и уходила с пляжа ровно в одиннадцать часов утра – как раз тогда, когда мы туда приходили. Она даже не курила! При этом была очаровательно лояльна и глубоко любима самой рваной «рваниной» в лагере. То ли потому, что они все были с ее потока, то ли, как мне иногда казалось, по каким-то эзотерическим причинам. Мы не проявляли оригинальности в этом вопросе и подобно многим любили Анечку. А она любила нас.

Был вечер. Мы салонно беседовали в перерывах между «Хересом» и макияжем, хохотали над Крокодиллом и менялись шмотками. Закончив умащивать свежевымытые, темные, змеящиеся, словно у Суламифи волосы гелем, Анечка выложила на кровать футболку цвета травы в бразильском сериале. И сказала:

-Я где-то прочла, у классика какого-то... У Бальзака, что ли... нет, у Довлатова... Не важно, в общем, прочла, что зеленый цвет идет только по настоящему красивым женщинам.

Естественно мы тут же стали по очереди примерять футболку. Вознамерившись выяснить - кто же из нас по настоящему красивая. Оказалось – все. А вы как хотите?! Могло случиться иначе, если все мы были двадцатилетние, счастливые и хмельные, с ногами цвета шоколадного масла и волосами, выгоревшими от солнца и шварцкоповской «Супры»? Футболка пошла по рукам, то есть - по кругу. Вчера ее носила Викса, позавчера – Нина, завтра будет носить Маринуля и так далее. Может, даже когда-нибудь наденет и сама Анечка. Но вот что значит - Судьба! Именно сегодня была моя очередь.

Утром я сняла ее с веревки за палаткой, куда аккуратная Викса вешала после стирки белье. Благоговейно приложила к себе. Но посмотреть было не во что, зеркала на горе мы как-то не завели. А потому я просто ее надела. Мгновенно и отчетливо ощутив себя красивой. Настолько красивой, что больше надевать ничего не стала - кроме плавок и шлепок. Футболка была безразмерная и сидела на мне как... в общем, сейчас в таких платьицах ходят в клубы. Но сам цвет тогда! Дерзкие ростки еще недавно запретной свободы, пробившие серый потрескавшийся асфальт «совка». Ему даже песни посвящали: «Твои зеленые лосины», «Девушка в зеленой бейсболке»... и так далее. Долго, с фанатизмом истых художников мы пытались добиться желанного оттенка в домашних условиях. Разводишь в воде пакетик сухой текстильной краски и варишь юбку или колготки в кастрюле на кухне. Только такого цвета все равно не получалось. Получалось, конечно, но - не то.

Этим утром мало кто пошел на пляж. Все готовились. Именно сегодня – как я мечтала об этом, слушая рассказы очевидцев и непосредственных участников! Не веря, что так бывает на самом деле. Веря, однако, что: «Это, Настенька, все равно не расскажешь... это надо видеть!». Да, точно. Теперь я понимаю. И невозможно хочется поделиться впечатлением со всем остальным миром, но говорю вам - *ЭТО* не расскажешь. *ЭТО*, ребята, надо видеть! Ну, а еще лучше – почувствовать.

Солнце кипятило воду в море, жарило брезент палаток на горах, варило оставленный в бутылках спирт, запекало до полной готовности плиты эллинга и дорожки Ущелья. Герои праздника – культорги репетировали на площадке у домика начальника лагеря. Массовка азартно мазалась гуашью, делая из себя чертей, русалок и людоедов. Племена амазонок наворачивали на головах дикие кудри - я тогда впервые увидела, что в Гладилке могут включаться не только кипятильники, но и парикмахерские щипцы для завивки... Ну а остальные степенно пили пиво на Госпиталке. Предвкушали. Мы с Виксой, Маринулей, Ксюхой и Оленькой Смирновой не без удовольствия обнаружили себя в числе остальных. Пива было много – ради такого случая мы запаслись заранее, отстояв вчера очередь в «Гром и Молнию». Потом, плавно и неощутимо, так же, как жаркий ветер, гуляющий по лагерю, мы переместились из тени курилки на горячие узкие лавочки вдоль спортплощадки. Там проверяли микрофон. Ждали пока рассядутся, разлягутся и встанут зрители, втаскивали остатки декораций на арену действий... И началось!

Я смотрела на все это как октябренок, впервые угодивший на елку в Кремль. Подобное чувство чуда и забывтья было еще, помнится, годика в четыре, когда родители в преддверии Нового Года привели меня в Детский Мир. Тот самый. И там я увидела эти огромные часы с двигающимися глазами, елку до потолка, которого нет; услышала шелест мишуры, волшебный звон елочных шаров; ощутила на лице отражения разноцветных огоньков, а во рту сливочное крем-брюле в вафельном стаканчике...

На лавочках не хватало места - весь лагерь сгрудился у спортплощадки плюс «дикари» с обеих гор, да еще гости, приезжавшие раз в месяц на это шоу со всего побережья. Мест на лавочках не хватало, так что сидели друг на друге. Я - у Маринули на коленях.

На спортплощадке разыгрывалось действие, отрепетированное по оригинальному сценарию. Ну, что вам сказать, если в разные года культоргами в лагере работали такие люди как, например, Лысенков, Кизяков, Шустикский?! Или Маркин с Минаевым. И даже, говорят, Лисовский – ну да, тот самый, который потом с коробкой. Представление было роскошное: остро-социальные шутки с сексуальным подтекстом, интермедии, достойные «ОСП-студии» и «Осторожно модерн!» вместе взятых перемежались зажигательно-ритмичными танцами «дикарей» и «дикарок». Жара, пиво, теснота, общая эйфория и молодость скоро создали удивительную иллюзию: будто безумные пляски на солнцепеке раскрашенных гуашью людей - это нормально, а мы так все и живем, каждый день и очень этому рады... Но для меня самое интересное началось, когда на сцене возникло вдруг удивительное племя.

Пятеро или шестеро ребят, та самая компания, которая дружила с Анечкой. Именно их мы обозвали «рваниной» - за разодранные вдрызг футболки и напрочь попиленные, художественно растрепанные джинсы. Надо заметить, что попиленные джинсы *тогда*, это совсем, совсем не то же самое, что сейчас. Если вы, конечно, понимаете, о чем я. На спинах у них, на груди и щеках углем были сделаны надписи, что-то типа «Не забуду мать родную» и тому подобное... в общем, как мы поняли, они изображали племя пьяниц. Шатаясь и невнятно крича, они очень смешно доковыляли до середины сцены. Как вдруг один из них сел прямо на пол. Достал откуда-то из-под джинсовых лохмотьев бутылку с этикеткой – на ней крупно черным фломастером было написано слово «ВОДКА» и стал пить из горлышка, периодически делясь напитком с соплеменниками.

-Ха-ха, смотрите!! Это же Оцеола Мидл! – сказали позади нас.
 -Во...! Орлы-ы... – ответили сбоку.
 -Кашос, давай! Давай! Убей ее!!! – раздалось слева.

Они были всеобщими любимцами. Демократия тогда входила в права, а цензура из них выходила. Они очень талантливо изображали пьяных. Пять или шесть штук спивающихся мужиков из племени. Последние из могикан. Прямо ханты и мансы какие-то. Впрочем, изображать то им как раз ничего и не нужно было.

-Да он же сейчас рухнет, - проконстатировала Викса, недоверчиво глядя на Маугли, ибо это был он.
 - Кто?! Он?!! Да прям, рухнет, как же! Ну, рухнет, естественно, но не сейчас. Не раньше, чем часа через два...

До меня дошло, что происходит, только когда Ксюха, проницательно сощурившись, прошептала мне на ухо:

-А водка-то у них настоящая...

О-о, он не переставал волновать мое воображение. Сколько, оказывается, имен у этого необыкновенного человека! Сам он уже явно никого и ничего не видел, а я смотрела только на него, испытывая смесь восхищения с испугом – самое мощное влюбляющее средство. Еще бы - такой красавец и такой смелый! Я была тогда убеждена, что именно это и называется смелостью – хлестать водяру из «горла» на глазах уважаемой публики и лагерного начальства. Не говоря уже о том, что делал он это, лежа на раскаленном асфальте, в Крыму, в августе, в двенадцать часов дня. Я готова была весь остаток праздника, да что там – дня, любоваться им. Я бы так и сделала, если бы не отвлек заставивший вздрогнуть дикий, оглушительный, не вполне членораздельный крик. Знакомый крик.

-Ущь иль не Ущь?! – хрипло орал со сцены бессменный алуштинский сантехник по кличке Ущь.

Этот мужик маргинальной внешности и неопределенного возраста мог запросто сойти за бродячего художника, американского ковбоя или высоко оплачиваемого фрика, хотя был просто-напросто веселым алкашом. Он традиционно заведовал в лагере водой и всем, что с ней связано, был уважаем обитателями за постоянство, доброжелательный нрав и поразительное душевное родство с московскими студентами.

-Ущь или не Ущь??!!! – угрожающе прорычал он свой обычный позывной.
 -Ущь!!! – с готовностью отозвались ему.

Тогда Ущь, держа в руке длинный черный шланг, тянувшийся откуда-то со стороны Храма Омовения, другой рукой сделал неопределенно-торжественный жест, что-то такое крутанул у себя за спиной... и из шланга вырвалась многоцветная, жемчужная, серебряная, золотая, бриллиантовая струя! Как я потом узнала, по сценарию Ущь должен был изображать некую скульптуру – не то Водолея, не то Писающего Мальчика. Впрочем, неважно – сценка скоро закончилась и ведущий - начальник лагеря Верушкин (тот самый, у которого работала Кула и якобы должна была работать я) заученно произнес в микрофон стихотворную фразу, придуманную культорганами:

-Всем спасибо за труды, нам достаточно воды!

И вдруг он перестал прыгать. Помолчал немного, вытирая лицо банданой, а потом удивился, отчего-то шепотом:

-Мам, а ты... краси-и-ивая...??!

-Зеленый цвет идет только по-настоящему красивым женщинам, – сообщила я.

Вот красотка, что и говорить - нос к тому времени сгорел у меня окончательно и бесповоротно. То есть, сначала он был неприлично розовым, затем болезненно малиновым и слегка вроде бы припухшим. Несколько дней назад на нем образовалась толстая глянцеви́то-блестящая, словно бы слюдяная корка. И это было еще ничего. А позавчера корка потрескалась, покрыв мой нос узором, напоминающим саванну после засухи из «Клуба кинопутешествий». Так вот теперь эти желтоватого цвета кусочки кожи налипли на носу словно струпья, причем некоторые из них уже отвалились, оставив под собой первоначально розовые пятна. «Настенька, у тебя нос в ошметках!» - сказала Вика, когда это увидела. Хорошо, что он смотрел в основном на мою грудь - вот что значит зеленая футболка!

-У-у-у-щщщщщъ иль не У-ущ-щ-щ-щъ????!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Совсем уже дико заревел вошедший в транс шаман, обдав нас очередной порцией хлестких холодных струй.

...И мы прыгали уже вдвоем. Я повисла на его плечах, он пытался подкинуть меня в воздух. У нас плохо выходило, потому что его шатало, но это было неважно. Важно, что он был как я - мокрый и теплый. Потом, когда все это закончилось, то есть закончилась вода, которую все же додумались перекрыть, мы сидели вдвоем на ржавых трубах напротив Главного Пирса.

У него была иссиня-шоколадная кожа, плотная и гладкая, как на моей фирменной испанской сумке. Твердые фиолетовые губы. Фиолетово-черные глаза с густыми ресницами, породистый нос и подбородок майя. Голоса не было вовсе. Он не хрипел даже - он сипел. Звук, который ему удавалось извлечь из себя, был подобием громкого шепота, аранжированного страшным булькающим то ли свистом, то ли шипением. Еще у него были красивейшие в мире руки с ногтями светлыми как у негра.

-Ух ты...

Одну из этих рук он протянул к моему лицу. И просипел «Ух ты...» так мучительно, что невольно резануло глаза слезами. Будто это у меня, а не у него то ли сорвано, то ли сожжено напрочь горло.

- Ух ты... А у тебя... даже... веснушки...

Вот ведь. Как разглядел то их за слоем ошметок?!

-Тебя зовут Кашос? – я решила все же уточнить.

-Меня зовут Оцеола! – просвистел он, подняв руку в приветственном индейском жесте, - Оцеола Ястребиный Палец!

-О-о...

- А тебя как зовут, женщина?

-А меня Настя, - сказала я.

И замерла, предчувствуя... Нет!! Неужели он сейчас это скажет?! НЕТ. Только не это. Не может он этого сказать. Индеец не может знать этой дурацкой песни, ни за что...

-Настя, - повторил он без всякого выражения, и так же без выражения добавил, - ПОДАРИ. МНЕ. СЧАСТЬЕ.

Тьфу, ты... Опять. Да что ж за наваждение то, в конце концов?! Но странным образом в его устах эта дикость меня не взбесила. Напротив, прозвучала очень трогательно, чуть ли не умоляюще. Тем более, что не было пахабной ухмылки на абсолютно серьезном лице с грустными глазами.

-Подарю...- обещала я.

Тогда он привлек меня к своим фиолетовым губам, и я почувствовала острый запах водки. Вдохнула. Закрыла глаза. Вдруг... Нет, поистине, такое случается только в кино, в сказке и в «Алуште»!

-Настька!?!?

-Машка!!!

Со стороны пирсов, отделившись от желтого автобуса, ко мне бежала Машка Иванова!

-Как ты здесь??!

-Да вот, на «Дикарей» приехали – «пионеров» привезли! А как мочить начали - мы в автобус, убежали короче...

-Да вы что??!! Самое классное пропустили...

- А ты то... ты что здесь делаешь?! – спросила, наконец, Машка.

И я, наконец, смогла это сказать. То есть крикнуть, не в силах справиться с дрожащим в голосе счастьем:

-Живу я здесь!!!

-У-у-у... - восхитилась она, - здорово... А я в «Орбите» бригадиром...

-Как? Где?! В «Орбите»??!

Эх... То есть – ах! Ах, «Орбита»... Перед мысленным взором закружились воспоминания со скоростью, с какой кружилась некогда моя орбитальная юность. Когда-то (на самом-то деле всего три года назад!) мы сами были там «пионерами» - собирали персики, виноград, табак, ездили на экскурсии под присмотром бригадиров. Там я познакомилась с Машкой, и не только с ней. Наши родители работали в ОКБ МЭИ, а оно, это ОКБ, организовало в Крыму неподалеку от «Алушты» трудовой лагерь для детей сотрудников. Чудесное, неповторимое, особенное... фантастическое место!

-Поехали к нам, а?! – вдруг предложила Машка, - Сейчас автобус отправляется...

-Что... уже сейчас?

Я оглянулась. Ястребиный Палец смотрел на нас то ли бессмысленно, то ли просветленно улыбаясь. Пока мы болтали, он встал, вытянул из кармана шорт мокрую пачку «Ватры». И теперь аккуратно раскладывал на горячей ржавой трубе скрюченные папиросы.

-Конечно! – ликовала Машка, - Полчаса по серпантину - и ты там! В «кишке» побудешь, на своей кровати посидишь... А там еще Юлька! И Таня Балабан, они в лагере остались. Представляешь, что с ними сделается, когда я тебя привезу?!!

-Да-а...

- Переночуем у меня в домике, я ведь в бригадирском домике живу. А завтра вернешься - отвезет кто-нибудь... Ну, ведь такая встреча, Наська!!

Да, правда, такая неожиданная встреча с детством - как чудо. Чтобы поверить в него окончательно мы еще попрыгали и повизжали, обнявшись, и я намочила ее сарафан. Я отстранилась от Машки, виновато взглянула на Кашоса. Он пытался раскурить мокрую «Ватру». «Ватра» шипела и распадалась в его пальцах серыми хлопьями.

-Я...э-э...

- Давай, мам, – шумно прошептал он.

Сердце сникло. А я ведь уже внутренне отказалась от него - сама, когда решила ехать с Машкой или нет. Вот интересно – выбрала детство... Ну, что ж, выбор есть выбор. И каково же было мое изумление, когда он прохрипел:

-Я буду ждать.

-Как?!

-На трубах.

Он обернулся, показав рукой на то место, где мы только что сидели. Вероятно, чтобы я не перепутала.

-Встретимся перед дискотекой, часов в десять.

Я не верила своим ушам. Оставалось поверить сердцу.

-Поезжай, ма... вечером... придешь?

-Да, - сказала я.

Потому что больше не могла ничего сказать. Услышь я звук своего голоса – либо заплакала бы, либо осталась, кинувшись ему на бронзовую шею... Автобус просигналил, Машка потянула меня за руку.

-Ну, давай, - отпустил он.

И снова сел на трубу.

...Автобус сонно елозил по серпантину, в нем сладко воняло саларкой, а незнакомые пионеры-подростки поглядывали на меня с нездоровым любопытством. Примерно как я на Уща - когда впервые его увидела. Мне было смешно, странно и мы трещали с Машкой всю дорогу. О том, как рады мы друг другу, о том, как недавно еще, кажется, плескалось вокруг детство и о том, что встреча наша - не случайна. Мы были уверены – абсолютно все, что происходит в мире, происходит ради нас, из-за нас и рядом с нами.

Я почти не замечала как в лимонном, лазурном, пыльном экране автобусного окна плывут, подрагивая и плаваясь, раскрошенные скалы с розовыми соснами, как разматывается капроновая лента моря, простроченная золотом...

- Помнишь? - Машка кивнула на полосатые лоскутки виноградников.
 - Угу... «Изабелла», небось, еще зеленая?
 -Кислятина! Но «Кардинал» ничего, есть можно...

Мы как заправские фермеры-колхозники обсуждали достоинства сортов винограда. Что вот, мол, есть сорта винные, а вполне хороши как столовые, а есть, вроде бы, столовые, а в рот не возьмешь... Со знанием дела мы кривили губы и покачивали головами. Еще бы! Сколько их было съедено – десятки килограммов! Толстокожих, кислых, как уксус и сладких как сахар, терпких, круглых и продолговатых, прозрачно-зеленых и черных, розово-красных, покрытых неизменным седым слоем селитры. Смыть которую – пижонство, да к тому же и неграмотность, потому что «микроб дурак – от грязидохнет!»...

- Вон там ребята вчера как раз табак собирали... О, вот здесь мы на винограде в восемьдесят шестом были, помнишь?! Вы с Дымкой еще орехи из лесочка принесли, куда пописать уходили...
 -Ага, - кивала я и смотрела на Машку.
 -Скоро «Орбита»...

«Орбита»! Еще год после того лета меня вращало по твоей траектории, неотвратно ускоряя центробежную силу. «Орбита». Последняя остановка детства. Хотя нет, остановкой тебя назвать сложно... скорее пересадка... в юность. Здесь совершенно неожиданным образом нас научили работать. И получать гордое удовольствие от ломоты в усталых мышцах, от пыльных полос на вспотевшем лбу. Здесь научили есть все, что не прибито, петь под гитару и курить. Здесь же я научилась находить утром на тумбочке у кровати прекрасные анонимные букеты из желтых роз, а ночью убегать на море, спасаясь от ревности «старух». А также - умывать лицо лейкопластырем. Потому что по-другому жирный коричневый слой табака не отдирался с кожи. И осветлять челку трехпроцентной перекисью водорода, стоя полтора часа на табуретке под лампочкой Ильича. Потому что в парикмахерской же освещаются «под лампой»! О том, что можно просто выйти на солнце мы тогда еще не догадывались. Здесь, спрятавшись в лавровых кустах, мы нескладно целовались ночью с мальчишками, теми, которых к утру азартно мазали зубной пастой «Помарин». Пронось саранчой, обрывали подчистую торчащую из-за частных заборчиков кисло-желтую, мелкую, водянистую алычу. Потому что орбитовский туалет был самым обитаемым местом в лагере, мы сидели там часами, пока худенькая невесомая баба Аня - Бабаня варила в двух цинковых ведрах сгущенку. Чтобы поздно вечером намазать ее на толстые куски серого хлеба – ведь нужно же подкормить растущие организмы! Что не мешало растущим организмам варварски поедать зеленые помидоры в ее личном двухметровом огорожке. Мы научились ложиться спать в четыре утра, а вставать в шесть. Вставать и ехать на работу. И работать. А потом спать на пляже, красуясь в купальниках, которые уже было на что надевать. И забывать о красоте в грандиозных водных баталиях с ребятами за пенопластовый плот...

Когда я вышла из автобуса, то убедилась, что «мазанный» орбитовский домик, как ни странно, все тот же. И клумбы вокруг него все так же усажены розами, которые лелеет, словно внуков, Бабаня и которые стабильно обдирают по ночам влюбленные «пионеры». И все так же прохладно в длинной узкой палате на двенадцать коек – в родной нашей «кишке»...

- А помнишь, как нас посылали две недели подряд на табак?!! А других то - на персики...
 -А как Анечка из четвертой бригады рухнула на кровать и простонала: «О-ой, я больше не могу-у эти пе-ерсики есть...»... И мы не выдержали.

- Да-а... И пошли к Третьякову.
- Все в табаке.
- И потребовали.
- А он пошел на рынок и купил нам на свои деньги ящик винограда, ха-ха!!
- И отдал нам трехлитровую банку своего личного инжирного варенья.
- Оно оказалось забродившее...
- Но все равно такое вкусное...

Несколько раз я порывалась уйти. Только слишком уж уютно было в пустой, гулкой, прохладной «кишке». А голоса «пионеров» звенели на улице как дежавю - две девчушки, кокетливо: «Олег, а давай мы тебе рубашку постираем!» и непонимающий, от души удивленный, ломающийся подростковый бас: «А зачем ее стирать?! Она же рабочая...». И такая трогательная стояла на бывшей моей тумбочке нежно-зеленая бутылка «Ркацители», вытащенная Машкой откуда то из загашника. Одна бутылка сухого на пятерых! Ах, детство... Я порывалась уйти. Так как видела - не зрением, но душой, что в неподвижности мягкого воздуха за окнами безысходно не хватает чего-то... То ли уюта костров, то ли тревоги гитар, то ли предвечернего затишья Ущелья... Лишь когда сумерки накрыли нам ноги и крашеный пол в «кишке» серым газовым покрывалом, я решила.

-Ну, все девочки. Я пошла. Хорошо с вами...

Я ткнулась лбом в шершавую беленую стену над «своей» кроватью, помяла в ладонях тонкую, застиранную ткань цветастой занавески... И почувствовала себя героиней «Аленького цветочка», когда злые сестры не хотели пускать ее обратно к Чуде-Юде.

- Это куда ты пошла? Куда она, Машк?!
- И правда, Наська. Скоро ночь.
- Да как ты пойдешь то - в одной майке и трусах! С ума сошла?!

Я выглянула в окно – там серебристые тополя дразнились, подмигивая мне миллионами серых глаз...

Иногда по ночам мы убегали за территорию. С предосторожностями киношных шпионов из фильма «ТАСС уполномочен заявить» выбирались за кованую калитку, чтобы спуститься по каменной лесенке в душистую, манящую приключениями тень алычи. С теми же предосторожностями возвращались назад в восторге от того, что остались не пойманными... Как выяснилось, нас никто и не ловил. Просто Третьяков – замначальника «Орбиты» не ложился спать до тех пор, пока не увидит каждого из нас дрыхнущим в своей кровати. Третьяков работал в ОКБ в одном отделе с моей мамой. И потом они долго смеялись, когда он рассказывал ей о наших маневрах... Как не высыпался-то, оказывается, из-за нас, бедняга! Хороший все-таки мужик.

- Короче, переночуешь здесь. Сейчас поужинаем, посидим, а завтра ...
- Как это - «завтра», вы что?! Меня... меня же Оцеола ждет...
- Что? Что тебя... ждет?
- Оцеола. Мидл. Ястребиный Палец.
- Кто-кто?!!
- А... О-о-о! Это вот это чудо пьяное, что ли?! - догадалась Машка Иванова.
- Ну да...

Смешно – я ведь и сама пьяное чудо. И это невыразимо приятно осознавать, между прочим. Только немного грустно оттого, что мы вдруг оказались с тобой в разных мирах – ты все еще в «Орбите», а я... «Алушта» звала меня к себе властно и непреложно, манила – как сирены Одиссея. Нет, ну, как это так – дискотека, и без меня? Вика с Маринулей танцуют на нашей лавочке слева у сцены – и без меня?!! Гимн лагеря перед отбоем – без меня??!!!

-Я пойду, пожалуй...

-Э-э... м-м...

Извини, Маш. Разве могла я поступить иначе?! Зная, что он сидит там, на ржавых трубах. Следит за тем, как Солнце вязнет в теплом и опалово-мутном, словно разбавленный «Рояль» море. Тополя над Зеленым Театром дрожат от предчувствия ночи; ди-джеи гоняют наш любимый Деш Мод; девченки растворяют в шампанском розовые облака над третьим пирсом. А Оцеола Мидл собирает обратно в пачку подсохшие, в желтых разводах папиросы. Он ждет меня.

Я вышла. Кованая калитка над каменной лесенкой ласково пискнула у меня за спиной. В прозрачный воздух над миром капнули чернил...

Уже у кромки моря я обернулась. Никого не увидела, но помахала рукой белому домику за забором на холме. Я знала – они меня не видят, но тоже машут руками, ускоряя вокруг себя потоки горячего воздуха, напоенного запахом роз. Я поглядела в ту сторону еще немного и пошла.

Темно стало через пять минут. Так темно, что я поразились – гораздо темнее, чем обычно. Потом поняла. Здесь же дикое место – нет пляжа, нет набережной, нет прожекторов. Даже дороги нет. Только валуны, наполовину торчащие из воды – гладкие мокрые спины морских чудищ; нагромождение скал; только звезды, да и тех не много... Фиолетовые облака чуть светлее неба – как пенка на черничном варенье, но и они быстро, слишком быстро тонут в приторно-густой темноте.

Скорость была феноменальная, и немудрено – я не останавливалась. Вообще, совсем. Наплевав на дыхание, резь в боку и подвертывающиеся, скользкие, исцарапанные ноги. Не останавливалась, чтобы не задумываться. Если бы остановилась, то больше не сдвинулась бы с места. От страха. Усугублялось положение тем, что со времени посадки в желтый автобус я незаметно и непоправимо протрезвела.

Вероятно поэтому, несмотря на скорость, стало холодно. Потом – очень холодно. Ветер толкал в спины волн так, что они, падая плашмя, расшибались о прибрежные камни. Брызги иногда долетали ко мне. Я их не видела и вздрагивала от жути всякий раз, когда чудилось – кто-то резко схватил за локоть ледяными острыми пальцами. Ноги тоже быстро сделались ледяными, но... Повернуть назад невозможно.

Во-первых, поздно. По моим представлениям, пройдено уже много, чуть ли не пол дороги... ну, или треть. Да и не хотелось поворачивать. Встреча с детством должна остаться неомраченной бесславным возвращением в ночь! Я представила, как они начнут суесться, искать мне койку и белье, и все остальное. После чего я уже не буду для них той зеленой кометой, что пролетела, оставив в нашей палате пахнувший перегаром шлейф приключений и романтики.

А во-вторых... Во-вторых еще, наверное, целых полчаса до дискотеки? Ну, и он ведь подождет меня – если я немного опоздаю... Шаги мои сделались шире, а движения ловчее. Мысленно я видела, как он сидит, сливаясь с темнотой цветом загара, как я, обессиленная, продрогшая, счастливая падаю на его теплую грудь и чувствую острый запах водки.

Уж что касается приключений, так этого я поимела на год вперед. То мне казалось, что из воды выпрыгнуло бледно-светящееся существо – когда звучал рядом неожиданный «плюх»; то из расщелины – темной, темнее, чем скала, выдвигалась чья-то невообразимо беспроглядная Тень; то вдруг миллион жужелиц – многоногих морских жучков, дергал из-под ног врассыпную, слишком напоминая московских тараканов... В общем, мне показалось и привиделось все, что могло привидеться или показаться - ну, почти все. Что спасало от разрыва сердца, падения в расщелину и губительных приступов паники? Пофигизм, безвыходность или любовь? Я старалась гнать нелепые выдумки, но как гнать - фантазия то у меня богатая!

В довершение порвалась «вьетнамка». Я сняла их обе и дальше карабкалась босиком, а, все равно уже... О-п-пля. Впервые я остановилась, просто потому, что впереди - скала. Острым, треугольным, словно парус или акулий плавник уступом она далеко выдается в море, и я понимаю, что придется... Оплывать?!! Нет, я люблю купаться ночью. Может быть даже больше, чем днем, но... хмельной и в компании - это одно, а в одиночестве и трезвой, в незнакомом месте... А вдруг там подводные рифы какие-нибудь? В острых, режущих кожу мидиях. Или наоборот, склизкие, обросшие словно шерстью бурными водорослями... Ох-х-х... А вдруг у меня ногу сведет от холода?! Или от страха?! А вдруг там распухший труп плавает – говорят, недавно на побережье кто-то утонул?!! А вдруг...??? Не-е-ет... Невозможно. Значит, нужно на нее лезть - третьего не дано. Я полезла. По сравнению с трупом под водой и шерстяными водорослями это оказалось не так уж страшно.

Я даже попробовала петь. Но мой голос дрожал так жалко и беспомощно на фоне Вечного Рокота, что я перестала. И просто что-то мычала под нос, может, считала шаги, может, молилась, представляя фиолетовые губы Кашоса. Как вдруг... спина похолодела, волосы зашевелились на всех частях тела, где они были, сердце споткнулось. Из-за камня, который я только-только собралась оседлать, раздавались голоса! Радоваться или убежать, я не знала... Да и куда убежать то? «Ну, вот и все», - сообщил мне внутренний голос, - «Добегалась. Сейчас они тебя съедят. Или изнасилуют. Или сначала изнасилуют, а потом съедят».

Распластавшись ящерицей по холодному камню, я старалась выровнять дыхание и одновременно прислушаться к разговору. Ничего не разобрала, потому что кровь в ушах клокотала даже громче прибоя. Другого выхода не было - осторожно, медленно я выглянула из-за камня... и обомлела. Вот тебе, Настенька, и «дикари»... Но эти и вправду, совсем уж дикие! В черных валунах дотлевал маленький оранжевый костерок, рядом сидели трое. Еще один, стоя по пояс в море, намыливался шампунем у истока лунной дорожки; кто-то в стороне нехотя теребил гитару; кто-то, сидя на корточках у воды, отмывал посуду водорослями... Похоже на то, что они тут живут. А вон и палатка, в расщелине. Неужто прямо на камнях спят?!! Ну, абсолютно дикие. Слава богу – вроде бы мирные.

Я все же робела, когда, обходя на всякий случай подальше, молча косясь на них, опасно пробиралась крабом мимо и дальше, дальше, пока не исчезла за хаосом камней. Я не стала спрашивать у них далеко ли до лагеря МЭИ. Или до любого населенного пункта или где я, собственно, нахожусь. Неудобно как-то... Не знаю, вообще, кто из нас кого больше испугался. Они явно в первый и, вероятно, в последний раз видели одинокую, бледную от страха и холода, полуголую девушку в зеленой футболке, идущую в ночи из ниоткуда в никуда... По-моему, я все же тихонечко сказала «здравствуйте». И, по-моему, они мне ответили. Хотя точно вот этого момента не помню. Теперь понимаю, насколько забавно все это выглядело. Но это теперь, а тогда...

Зато после этого случая включилось второе дыхание, даже стало смешно. Что-то отпустило. Я знала - НАДО идти. И знала, что буду идти, пока не упаду – а семь километров меня все-таки вряд ли срубят, даже если по камням и скалам. Только вот ноги.

Про ноги я пока старалась не думать, хотя и так ясно - стерла все, что только можно было стереть, остальное сбила в кровь. Ничего ж не видно!

А дома мама с папой, свет в их комнате, уютное жужжание телевизора... Да ничего подобного! Они ведь уехали уже - в отпуск. И квартира пустая с выключенными кранами газа и вывернутой водой. И никто меня там не ждет. Я ведь сама им наказала не волноваться до конца августа - они и не волнуются. И девченки не ждут меня на Разгуляе, потому что я их бросила, уехала, даже не предупредив. И Кашос уже не ждет. Наверное, обиделся и хрипит теперь нежности другой девченке, не такой незадачливой дуре... Черт, да где же «Алушта»??! Я приготовилась плакать как раз в то мгновение, когда вдали сверкнули новогодней гирляндой огни пионерлагеря «Павлик Морозов».

Еще громыхала дискотека в Зеленом Театре, а значит, я шла всего каких-то часа два. Однако мне хватило - я была без сил. Лихорадило от волнения, от напряжения, от усталости, а еще больше от обиды. На саму себя. Ноги горели. Вспухли, отекли, превратились в грязно-красное месиво, которое из уважения к окружающим нужно немедленно спрятать. Какая уж там дискотека... Входя в лагерь, я мельком взглянула на трубы - так просто, на всякий случай. Естественно, никого не увидела и (как я подозреваю после некоторых размышлений) - там никого и не было... Но это было уже неважно. Вот теперь уж точно усилием воли я дотащила себя до Храма. И эти несколько метров по лагерю дались несравнимо труднее всей долгой дороги из «Орбиты».

В Храме Омовения какие-то девушки щебетали в запахе лавандового мыла и яблочного шампуня. То ли запоздало прихорашивались на дискотеку, то ли оправлялись после нее. Они вытаращились на меня как на призрак, да оно и понятно: личико было еще то, не говоря уж о ногах! Мельком взглянув в зеркало, я и сама ужаснулась – серая, растрепанная, грязная, с красными шальными глазами. Я вошла, а они расступились и перестали щебетать, замолчали, вероятно, гадая, пытали меня, или еще что... Мне снова сделалось необъяснимо стыдно. А потом я, все еще дрожа, встала прямо в футболке под холодные струи душа. От воды щипало ранки на ступнях. «Да и фиг с вами» - подумала я, - «Походили бы с мое, пигалицы...». Я закрыла глаза и забыла о них. Заодно футболка постирается. Завтра ведь, кажется, Ксюхина очередь...

На Разгуляе я стянула с себя футболку. Выжала и повесила на веревочку за деревьями. В пустой палатке уныло и счастливо пахло домом – нафталином и Нининым дезодорантом «Climate». Я рухнула, воткнувшись лицом в мягкий спальник. Не надо мне вашей дискотеки. Не надо мне больше никого. И ничего мне уже больше не надо. Спасибо, Господи, что позволил мне дойти, спасибо что спас... Спасибо что я снова здесь... Спасибо, спасибо, слава тебе, Слава Тебе Го...

Под утро вернулись девченки и приснился Оцеола Мидл, любующийся ошметками на моем носу.

И не было всю эту ночь на побережье дикаря, счастливее меня.

Глава 5. БОГИ

*Где ваши руки?! Хлопайте в ладоши!
На последнем пирсе загорала Лошадь.
И она мечтала, топLESS загорая,
Что, играя, к ней примчится страстный Конь...
«Энергия Москвы» (КВН)*

Инна была девушка-русалка...

Мы были с ней не очень-то знакомы. Знали, что живет она под локатором с большой, веселой компанией. Компания держалась особняком, они даже не всякий день появлялись в лагере. И мы встречали Инну в основном на Третьем Пирсе.

Как в тот раз – она купалась, а Маринуля, Вика и я смотрели. Смотреть на то, как купается Инна, можно было бесконечно. Она, бесспорно, была девушка-русалка.

-Эх-х... - вздохнула Маринуля, томно перевернувшись на живот.

-А-ах-хх... - простонала я, растягиваясь на спине.

-М-мм... - сказала Вика, садясь и глубокомысленно закуривая, - Что-то на дискотеке в последнее время скучно.

-Правда! Вообще тоска...

-Причем, странно - музыка вроде та же.

-И «Рояль» тот же...

-Ну, мы что ли, другие?!

Мы лежали на «нудном» пирсе. Теплый бетон гудел под нами, когда мимо проносились грузовики с цементом – в «Павлике Морозове» что-то там строили... Инна ныряла как дельфин, а тело у нее было как у породистой лошади - правда! И грива – шелковая, густая, светло-желтая, до самой талии. И золотистый пушок, когда на мгновение она зависала в полете, вытягиваясь медной струной, золотистый пушок переливался на коже... Нет, у нее была даже не кожа - шкура! Причем шкура какого-то сказочного единорога – атласно-светящаяся, цвета мокрого песка и главное – равномерная. В смысле этот цвет мокрого песка был одного оттенка на всех частях тела – абсолютно на всех! Живот, спина, сильные руки, и шея и грудь и ноги, талия и попа, даже пальцы на ногах, что самое интересное, лицо и даже нос – все! Она была двухцветная, словно нарисованная. Два цвета. Тело светло-коричневое, а волосы, брови, ресницы и пух на теле – золотые. Только глаза какого-то другого цвета. Я уж не помню какого. Ее словно густо выкрасили матово-сияющей гуашью оттенка мокрого песка. Инна «нудила» уже вторую смену, а мы – всего лишь третью неделю. Но, глядя на нее, мы каким-то чутьем понимали, что даже если будем загорать голыми всю жизнь, такого совершенства нам вряд ли удастся достичь. Все-таки она была из другого мира. Она выглядела, двигалась, ныряла, встряхивала волосами и смотрела вдаль так, что становилось совершенно ясно, она - девушка-русалка.

Мы подолгу глядели на нее, каждый раз надеясь постичь тайну, неосознанно желая научиться вот так же... ну, хотя бы нырять что ли! Мы пробовали, но выходило не совсем то. И если у нас с Викой получалось иногда «входить» в воду как положено - то есть сначала руки и голова, а потом уже все остальное, то Маринуля самоотверженно и неизменно отбивала живот и лицо. Так что пока Инна была здесь, мы предпочитали... загорать. И ругать скуку, царящую на дискотеках в последнее время.

-Я знаю, почему все так.

Я мгновенно отвлеклась от Инны. Маринуля – тоже. Если Вика говорит «я знаю», значит – так оно и есть. Мозги у нее просто феноменальные, все говорят – мужские. А почему мужские? Среди них разве дураков мало?

-Я знаю, почему так происходит, - Вика, вытянув руку, утопила сигарету в мелкой лужице на краю пирса.

-Почему?!

-Ну, вот подумайте... Ну?!... Да у нас же влюбиться абсолютно не в кого! Одни друзья...

Это она права - опять в точку попала.

На этом «зачарованном острове» с обыденным названием «Лагерь МЭИ «Алушта» с его теплыми соснами, оранжевыми облаками и сиреневым морем, где воздух вибрировал от голоса Мартина Гора, бриза и полуденного жара молодых тел порой так хотелось любви, что можно было полюбить столб, на котором висел прожектор! А если бы вдруг столб оказался уже «занят», можно было полюбить и сам прожектор, мешающий парочкам лобызаться ночью на пляже. Но - вечная история! Те, кто хоть как-то нравился, воспринимали меня не более чем как довольно милое и возможно даже очаровательное, но все-таки «чудо в перьях». На тех же, кому нравилась я, у меня катастрофически не стояло. В общем, все как обычно...

-Когда танцуешь, нужно обязательно видеть хоть где-то вдаль, хоть незнакомого, но классного Мужчину...

-Точно. Необходимо ощущение, что танцуешь для кого-то!

-Да. Только ни для кого неохота. Ребята как родные братья.

-Уж скорее - сестры...

-Прямо инцест. Тем более к вечеру все в дюнь-дю-лю-лю...

...И все же здесь это было не так томительно как, например, в Москве. Здесь главным, верным и постоянным моим любовником было море, с которым мы совокуплялись ежедневно помногу раз. И каждый раз восторг сотрясал до мурашек, и волны снаружи попадали в унисон с волнами внутри. Так что каждый раз я понимала: вот такого точно никогда еще не было! И каждый раз все повторялось. Любовь наша была явно взаимной и, возможно - оно просто ревновало меня. Не позволяло тратить страсть на кого-то другого.

-Пока, девочки.

-Пока, Инна...

Мы проводили ее взглядами, помолчали, приготовились погрузиться снова в блаженную, скучную дрему, как вдруг... Я зажмурилась. Помотала головой, заподозрив, что фантазия моя уж слишком разыгралась и нужно, наверное, чаще окунаться. Но потом увидела лица девченок и поняла, что это - правда! Я открыла рот... и закрыла.

-Смотри... - восхищенно шептала Вика мне в ухо, - Смотри, смотри! У них даже члены красивые...

Формы членов - не размеры, а именно формы, интересовали нас с исследовательской, но особенно - с эстетической точки зрения. Оказывается, эта часть тела подчиняется тем же законам гармонии как ноги или, к примеру, шея! За пару недель, проведенных на «нудном» пирсе, мы уже много раз могли в этом удостовериться. А заодно в том, что истинная гармония здесь так же редка, как и во всех остальных случаях... Однако у этих двоих все – ВСЕ! было словно специально создано для того, чтобы на это на все любоваться...

Это были Аполлон и Давид. Их, безусловно, как-то звали. Но в моей памяти они именно так и остались. Именно что - Аполлон и Давид. Аполлон (кажется, его все-таки звали Андрей) был абсолютно Бельведерский, ну точно такой, как на Большом Театре - с конями. А Давид... Ох! Это таки был Давид. Не-ет, не тот диспропорциональный гидроцефал, что стоит на первом этаже в пушкинском музее, нет - другой. Аккуратный темно-бронзовый Давид Микеланджело... И по-моему, его тоже звали Андрей... Впрочем, не важно.

-Настя, не смотри туда, блин!
-Почему?! - искренне удивилась я.

Викса вперилась в меня так красноречиво, что Маринуля захохотала. Ей всегда импонировала моя непосредственность, по Викиному мнению граничащая с тупоумием. А хохотала Маринуля так звонко и радостно, что они обернулись в нашу сторону...

-Потому что! – негодуя, прошипела Викса.
-А-а...

Мы сдвинулись головами, перемешались волосами, делая вид, что прикуриваем. Сами же нервно старались придти в себя и попутно выяснить в чем тут дело.

-Кто такие?? – изумленно вопрошали мы друг друга.
- Первый раз вижу. Но это не наши, точно - я бы знала!
- Да уж...
-Может, новый заезд?
-Какой заезд - середина смены...
-Ну и что?! - с надеждой восклицали мы с Маринулей.
-Да нет... Видишь, загорелые какие? Давид так вообще здесь, похоже, с начала лета...
Вон – прям мулат!

Викса как всегда была права. Да и вели они себя не по-алуштински. В чем это выразалось? В нюансах, понятных только нам. Это не объяснишь, но только они не так курили, не так садились на пирс, не так смотрели на море... Вообще говоря, они не подошли и не сказали первым делом: «Привет, девченки, как сами?». Но они не были и «местными» тоже – иногда в лагерь заезжала украинская молодежь, ищущая экзотики. Нет, в этих двух небожителях проглядывали такие же коренные москвичи, как мы... Осенило нас одновременно.

-МАИ!!

Если пройти километра два в сторону Ялты до пионерлагеря «Павлик Морозов», миновать кафе «Алые паруса», то дальше будет Лагерь МАИ. Мы там еще не были, да и не стремились. Потому как знали по рассказам – ничего особенного и делать там нечего, тухляк в общем. Именно по этой причине сами маишники заходили к нам регулярно, на все праздники – на «Дикарей», на «Алуштинские звезды» и частенько просто на дискотеки.

Мы заорали «МАИ!!» от внезапности догадки, а получилось: «Мои!!». В смысле – «Наши!!». Они величаво повернули божественные головы, мы же уткнулись в полотенца, дрожа мелким смехом. Не знаю, надеюсь, они не слышали всю эту ахинею, хотя ветер был в их сторону... Маишники – а это, несомненно, были они, остались невозмутимы. И тогда мы решили, что это судьба.

-Нужно показать класс, - предложила я.
-Давай, показывай... - согласились девченки, - Ты первая.

Я... первая? Да пожалуйста! Как можно непринужденнее я поднялась с полотенца. Медленно потянулась, усердно внушая себе, что будто бы вовсе и не голая - благо, имелся уже в этом некоторый опыт. И тогда девченки встали тоже. Во всем блеске своей наготы мы горделиво, не торопясь продефилировали к концу пирса. Постояли, шурясь на солнце.

И посмотрели вдаль. И трянули волосами перед тем, как подобно Инне изогнуться, встав на цыпочки... И даже почти получилось. И даже Маринуля не так уж ударились о воду лицом... Да нет, точно получилось! Потому что они нырнули тоже! Вслед за нами. А когда плавали, откровенно красуясь, то поглядывали на нас и о чем-то тихо переговаривались. Мы делали то же самое.

И все-таки мы были не настоящими нудистками. Покупавшись где-то с полчаса, мы, не сговариваясь, элегантно подплыли к пирсу. Лично я устала и замерзла, думаю, что девчонки тоже – в ту ночь поменялся ветер, и вода ощутимо похолодела. Предвкушая как сейчас растянусь на горячем бетоне, я взялась за перила узкой железной лесенки в конце пирса... Слева метрах в трех-четырех плескались как молодые афалины Аполлон и Давид. «Поплаваю-ка еще минут пять!» - подумала я и, отпустив перила, легла спиной на воду. И поплавала еще минут пять. Лесенка в конце пирса издевательски грела на солнце ржавые ребра, в то время как мои почти окоченели. С тоской я взглянула на берег. Доплыть до него - раз плюнуть, а вот вылезти... практически невозможно. Пляж между третьим и четвертым пирсами не предусматривал вход и выход из воды – склизкие бурые валуны у кромки прибоя гарантировали сломанные ноги в штить, ну а в шторм – разбитые головы. Бодренько пробултыхавшись еще минут десять, показавшихся десятью часами, я уразумела, что все безнадежно. Что ж, придется, видимо, карабкаться по лесенке в чем мать родила. Сама ведь предложила класс показывать - вот сама и показывай. А эти боги с явным умыслом плещутся уже прямо под ней...

Нет, ну как же мы с девочками синхронно мыслим! Вместе ждали, пока *те* вылезут первыми. И вместе не дождались. Приблизились к пирсу одновременно - с трех сторон. Вика решила первая, Маринуля – вторая. Смелость их была вознаграждена ... а может – сообразительность? Потому как последней то вылезала именно я.

Утешило одно - муки стыда не пропали даром. Судя по солнцу, в шестом домике должен был начаться легкий полдник. Мы собрались уходить, и тогда один из них, кажется Давид, спросил:

-Девушки, а вы из МЭИ?

-Да! – гордо ответили мы.

Даже чересчур гордо. Дело в том, что из нас троих в МЭИ училась только Маринуля, а из всей компании – еще Кула. Остальные были как ни странно приبلудные: я провалилась в Историко-Архивный, Вика поступила в Бауманку, а Нинка второй год пыталась проникнуть по второй Мед... Но ведь *им* знать об этом было совершенно необязательно, правда?

-Да, из МЭИ. А что?

-И у вас действительно такие дискотеки шикарные, как говорят?

- Еще бы!! – возмутились мы.

-И можно зайти?

-Ну, попробуйте...

-А вы нас будете ждать?

-Да мы вас уже ждем!

Что примечательно, мы сразу, в первый же момент, не сговариваясь, решили: Аполлон – мой, а Давид – Викин. Самое удивительное, Маринуля это тоже поняла сразу. И абсолютно без слов!

-Аполлон чересчур слащавый, - скептически морщилась Вика по дороге с пляжа - Такие кудри блондинистые... на девочку похож.

-Мне нравится, - парировала я, - А Давид – лысый.
 -Не лысый, а бритый! К тому же у него череп идеальный... как у негра.
 -А что, у всех негров идеальные черепа? – нейтрально интересовалась Маринуля.

Как бы то ни было, в шестой домик мы буквально влетели – вдохновенные, воспламененные, воодушевленные сверх всякой меры.

-Ксюха!!

-Что сейчас было!!!

-Кого мы видели!!!!

-Тихо! - осадил нас Ксюха из тенистой глубины комнаты, - Не орите. Кула спит. Она устала.

Мы и забыли. Кула вчера ушла на Стрельбище – там планировалось что-то грандиозное, то ли проводы Глаши, то ли встреча Кузи, в общем, какая-то преподавательская вечеринка. Вернулась она сегодня уже после зарядки. О-очень уставшая.

-Это вы бездельничаете, а человеку завтра на работу.

-Ну что она там, вкалывает что ли? – опрометчиво усомнилась я, - Так, с детьми начальника лагеря сидит... Томатный сок пьет.

-Ну и что?! Вот ты бы и сидела!

-Ладно, ладно...

Благодаря изнеможению Кулы в домике поселились тишина и покой. Анечка втирала в ноги детский крем «Тик-Так», доводя до совершенства их терракотовую гладкость. Ксюха с Крокодилом пили пиво на дальней кровати и тихонько болтали, оберегая Кулин сон. Йог Комаров самозабвенно делал Нине тибетский массаж. И мы рассказывали нашу историю аккуратным шепотом, потихоньку начиная готовиться к дискотеке.

А как мы готовились к той дискотеке! Часам к семи вечера все наши вещи валялись на кроватях кучами вперемешку с косметикой, дезодорантами, лаками для ногтей и даже для волос. Чуча, заскочившая на минутку - повидаться между своими утомительными любовями даже удивилась.

-Что это вы?!

-Ох, Чучка...

-Мы с та-акими мальчиками познакомились...

-Это тебе не футболиеры.

-И не ди-джеи.

-И даже не композитор Максимов.

-Это – боги!!!

-Тихо вы!! – цыкнула Ксюха.

-Это боги, - прошептала я, - Особенно Аполлон.

-Нет, - прошептала Вика, - Особенно – Давид.

-Нет... Да. В общем, они оба. Особенно!

-Д-да? – не поверила Чуча.

-Хм-м... А больше там никого не было? - спросила Ксюха, отвлекаясь от Крокодила, - Ну, хоть Гефеста какого-нибудь или там...

-Нет, – твердо сказала Вика, - их только двое.

-Жаль...

Мне и вправду стало жаль девочек, всех, кроме Кулы – ей то явно было лучше всех. Только вот по-моему Ксюхе с ее вертикальной химией, лучистыми глазами и порочной улыбкой или, к примеру, Нине с ее заразительно-сексуальным смехом гораздо больше подошла бы роль избранницы богов, но... Бывает, что просто везет.

Вечером мы с Викой направились в «Алые паруса». Потому что кафе находилось в непосредственной близости от МАИ – места обитания скульптурных персонажей. Потому что после всех проведенных процедур и мероприятий мы оказались слишком хороши, чтобы сидеть просто в домике как бы здорово там не было. Потому что нужно было ковать железо пока оно горячо. И потому что Вика сказала: «Так надо, Настенька!». В общем - потому что. И по этой же причине Маринуля, зевнув, пролепетала, что ей сегодня неохота тащиться в такую даль. Если бы я тогда знала что придется столько ходить...

...Когда мы с Виксой миновали Третий Пирс, было около половины восьмого... и мне не хватало Маринули. Ведь если бы не сегодняшние боги, мы вместе ели бы арбуз и кабачковую икру, любовались бы на облака, которые, сияя словно мои атласные лосины оттенка «эль-дьябло», растворяются в серебряном море, и мечтали бы о большой красивой любви... Но для меня, похоже, время мечтаний закончилось.

-Нет, я понимаю – мужчина должен быть умным. Но когда он *такой* красивый!... Насть?!

-Да-а-а...

-Что?

-Да, уж, говорю. Когда он ТАКОЙ красивый... он уже ничего больше не должен.

«Алые Паруса» - это одноэтажная избушка с сосновой барной стойкой внутри. А рядом на улице четыре пластиковых столика под брезентовым тентом. Из избушки околдовывающее тянет запахом молотого кофе. На стойке возвышается соблазнительно воздушная гора домашних вафель с вареной сгущенкой. За столиками под брезентовым тентом вальяжно отдыхают местные сибариты.

«Алые Паруса» - наше излюбленное местечко. Единственный островок цивилизации в диком «алуштинском» океане. Мы ходим сюда пешком чуть ли не каждый вечер. Ходим исключительно камерной компанией – обычно втроем или вчетвером, стараясь не рекламировать в лагере эти прогулки. Это - романтическое приключение, это – тайна, это – роскошь, не говоря уже о том, что где как не здесь можно в спокойствии и комфорте разесть на троих стеклянную банку кабачковой икры с еще теплым серым батонном, купленном в «Павлике Морозове»?! А потом пить кофе из настоящих белых чашечек, любуясь на прибор. А когда прибор шепчет что-то не у самых ваших ног, а за деревянной решетчатой оградой «Алых Парусов», чувствуешь себя как-то совсем иначе... К тому же в особо голодные дни можно ненароком смахнуть в заранее приготовленный пакет воздушные вафли со стойки, когда барменша отвернется, наливая кофе. Мы так делали пару-тройку раз, признаюсь – да, воровали. Голод не тетка, вернее – аппетит... Хотя... мне и тогда приходило голову, а сейчас я почти что в этом уверена - красивая хохлушка бальзаковского возраста просто очень натурально делала вид, что ничего не замечает... Неужели мы выглядели такими голодными?!

Разумеется, Вика не была бы Викторией, если бы сегодня мы не встретили там *их*. За пластиковым столиком, в цивильной одежде и с чашечками кофе в скульптурной формы руках, они казались прекрасными до боли в сердце - вот что значит боги! Это была судьба. Мы улыбнулись друг другу как знакомые. Переглянувшись с Викторией, мы уселись за соседний столик – типа, мы тут случайно. Типа, кофе пьем.

Поистине, меня ждала ночь чудес! Я уверилась в этом окончательно, когда Вика небрежно выложила на столик пачку болгарских сигарет «ВТ». Белая твердая пачка с элегантными серыми буквами, такая аккуратненькая и презентабельная, особенно на фоне всех наших «Ватр», «Баср» и «Лигеросов». Даже «Космос» к тому времени почти

закончился. Эта пачка была не просто последняя, а вообще единственная, припасенная Виксой лично - для особого случая. Который, кажется, настал. Это была роскошь, достойная таких роскошных женщин. Сладострастно шурша золотистой фольгой, Вика распечатала пачку, шикарным жестом поднесла к лицу зажигалку.

-Смотри... У нее даже дым не желтый... А голубой...

-Ага...

Заказав кофе с коньяком, мы погрузились в цветовую медитацию. На фоне лилового прибора и предночного багрово-серого горизонта поднимались в небо две трепетные струйки нереально голубого дыма.

-Извините...

Перед нами стояла девушка. Она отделилась от компании подростков, хохотавшей за оградой, чтобы подойти именно к нам. Она была такая же, как мы, только моложе - лет шестнадцати от силы, более худенькая и чуть более растрепанная.

-Извините... У вас сигаретки не будет? - выговорила она, пряча смущение и жажду покурить за неловкой развязностью.

Рука у меня автоматически потянулась к элегантной пачке, глянцево блестящей у пепельницы в самом центре стола. И застыла на полпути...

-Нет, - сказала Вика, невозмутимо выпуская изо рта длинную густую струю, - Нет, не будет.

-Извините...

Под Викиным взглядом я опустила глаза так же, как только что эта девчушка. То был бесплатный и лучший в моей жизни психотренинг на тему «Как научиться говорить «Нет». Я глубоко задумалась о разнице между добротой и безалаберностью и вздрогнула, услышав рядом приглушенный, немного растянутый баритон:

-Вас как зовут?

-А вас?

-А вас...

Ну и началось. Там, за столиком мы выяснили, что кто-то из них Андрей. Впрочем, это была лишняя информация. Уже тогда про себя мы называли их исключительно божественными именами. И они, черт их возьми, этого заслуживали!

-Ну что, пошли к вам? - сказали они, когда кофе был выпит, - Потанцуем...

И мы пошли. Парами. Вика с Давидом, ну а я само собой - с Аполлоном.

Сначала мы держались за руки, но довольно быстро слились в непринужденных полуобъятиях. На ходу я склонила голову к Аполлонову плечу и внезапно почувствовала... запах одеколona.

Бывало ли с вами такое? Не знаю как объяснить, только... Это вдруг такая тоска! Томление и тревога, смятение и грусть. Когда на природе - где-то на даче или на море, где воздух состоит из дыхания скошенной травы или прелых водорослей вдруг пахнет от кого-то парфюмом, да еще дорогим и знакомым! Сбиваются в голове программы, в душе перепутываются файлы, с треском и искрами вырубает свет короткое замыкание в

чувствах... Это настолько несовместимые вещи - сразу и одновременно! На фоне спокойных вечных просторов все то, что будит в памяти этот запах – страстные желания, нервы, вечера и тусовки; последняя сигарета в пять утра; слезы на зимнем балконе; роскошный букет у входа в метро Баррикадная и выпускной бал... это все вдруг ясно оказывается таким пустым, ничемным, суетным... И вдруг четко понимаешь, за секунду осознаешь тупик прогресса. И в это же мгновение - одновременно! становятся невыносимыми эти просторы, нестерпимо скучными делаются пейзажи и вечера, и ты уже не можешь понять - что ты здесь делаешь?! Хотя только что вот растворялась в природе, лелея в сердце вселенскую гармонию. И хочется плакать, и настроение испорчено, и сердце гложет тоска, потому что остро осознаешь: *там* – пусто, а здесь - скучно.

...Мы шли вдоль моря. Под ногами хрумкала сухая каменистая земля, по правую руку высились скалы, уютные, уже темнеющие. Идеальная картинка - почти в деталях то, о чем я грезил в поезде, представляя себе счастье, приключения и любовь. Волны, шипя шампанским, ласково терлись о прибрежные камни. Впереди грохотало далекое, манящее «бум-бум... бум-бум...». Медленно, но верно мы приближались к лагерю.

-Боже! – воскликнул вдруг Аполлон.

И впервые в его голосе прозвучало что-то вроде страсти. И в его жесте тоже. По крайней мере, он прижал меня к себе как-то благодарно, спустив горячую руку с моей талии чуть ниже.

- Боже мой! Ну, как я люблю у них вот эти косточки! Когда они вот так вот прощупываются... прямо м-мм... А ты?

Давид помолчал немного, словно обдумывая некий тайный, непостижимый для меня смысл вопроса. Потом, тонко улыбнувшись, ответил:

-А я вот как раз люблю, когда они *не* прощупываются.

И он погладил Викино бедро.

-Нет, ну не скажи! - не унимался Аполлон, - Когда они лежат на спине, то живот проваливается, и косточки эти у них торчат ... так трогательно... Ах-х!

-А я люблю, когда руки вот такие... Не спички, а такие вот округло-углые... Как у Венеры Милосской.

Мы переглянулись с Викой. Так это что... это они... о нас??!! Мы вместе закусили губы, чтобы не захохотать - такой у нас обоих был вид.

...Ну, дискотека была действительно роскошная – как всегда. И мы танцевали с ними! А потом сами по себе. А потом опять с ними. И с нашими «братьями». И с «сестрами». И вообще со всем миром. Но не выпускали *их* из виду – когда в толпе, в темноте, в мерцании светомузыки мелькали белокурые локоны и золотистый греческий профиль, сердце давало сто сорок ударов в унисон с «Си-Си-Кетч», «Дюран-Дюран» и «Бед Бойз Блу».

По дороге обратно в МАИ мы целовались. Я не очень запомнила ощущения от поцелуев, наверное потому, что не могла на них сосредоточиться – гораздо больше волновало как мы смотримся в обнимку на фоне темно-фиолетовых волн. И как смотрят на нас незнакомые нарядные девушки, стайками гуляющие по эллингу. К тому же мы что-то пили по дороге, то ли «Массандру», то ли водку. То ли все вместе. Да, точно! Они

принесли настоящую водку! В общем, шли мы хорошо. И особенно здорово было целоваться на глазах у всех - мы делали это часто, пока не покинули эллинг... Потом реже. А потом вообще перестали. Не до того было – мы с Викой запели «наши» песенки.

Лагерь МАИ оказался, как мы и предполагали - никаким. Одинокое стоящее пятиэтажное здание из серого кирпича – прямо как наши «хрущевки» в Люблино. Мы прошли через гулкий затемненный холл, поднялись по лестнице на третий этаж – так странно было идти по настоящей лестнице! Свет в их комнатке зажигать не стали – с балкона круглым прожектором прямо в глаз лупила луна. У них был «номер» на двоих, и они очень деловито, почти в молчании сдвинули две свои полуторные койки, зашвырнув куда-то в угол тумбочку, что стояла между ними.

-Располагайтесь, девченки. Мы сейчас, - сказали они и поспешно вышли на балкон.

Какое-то время они стояли там под луной. И о чем-то таинственно шептались, периодически оглядываясь на нас. Мы снова переглянулись, пожав плечами. Чего шептаться то? И так ясно, зачем мы сюда пришли... А они все секретничали и чиркали спичками, пока мы с Викторией, усевшись на сдвинутых кроватях, с облегчением стаскивали кеды и носки с гудящих ног.

Вернулись они какие-то странные. И пахло от них странно.

-Что горит? - спросила я.

-Это, по-моему, анаша...

-Анаша?

-Наркотик такой, - терпеливо объяснила Викса.

-Да-а?!

Наконец они завалились на кровать. Причем Аполлон рухнул мешком и на середине вялого лобзания беспробудно опочил с легкой божественной улыбкой на изящно очерченных губах.

-Это чего? – не поняла я.

-Ничего. Идиоты, - Вика презрительно пожала плечами, - Ребенку ясно - либо пить, либо «курить»! А эти, видно, пить то не привыкли...

На что Давид радостно захихикал.

Я закрыла глаза. Голова крайне неприятно кружилась, и к горлу подкатывал кислый комок с привкусом «Массандры». Последнее, что я запомнила – кажется, мы уснули с Викторией одновременно. Под одинокое, радостное хихиканье Давида.

...Пробуждение было некомфортным. Не шпарило солнце сквозь прокаленный брезент, не впивалась в спину острая коряга, не чертыхались спотыкающиеся о мои ноги люди... что за...?! Разлепив глаза, я обнаружила себя лежащей поперек двух сдвинутых кроватей, в джинсах и рубашке. В полном, просто вселенском одиночестве. А солнце за окном было уже отнюдь не утреннее.

Поднявшись, я обнаружила удивительнейшую вещь. В углу комнатки прямо на стене висел умывальник. И не нужно идти никуда! Так непривычно - вот кровать, а вот – вода. Чудеса. «Ну что ж, хоть умоюсь...» - решила я. Я долго, жадно пила влагу, чудесным образом льющуюся из крана в стене, только после этого ополоснула лицо и шею. Подняв голову, испуганно отшатнулась. Не ожидала увидеть здесь человека, тем более – себя. Тогда то я оценила в полной мере как истинное благо то, что мы так и не удосужились завести у себя на Разгуляе зеркал. Ну их, в самом деле.

Я обернулась, чтобы окинуть последним взглядом комнатку со сдвинутыми кроватями. И вышла, аккуратно притворив за собою дверь на «Олимп».

...Припекало. И припекало сильно, особенно если учесть, что все, что хотелось открыть, было у меня закрыто - ступни, ноги и тело, а все, что неплохо было бы спрятать, напротив, находилось в полнейшей незащитности – голова и лицо. Мелькнувшую было мысль снять джинсы и намотать их на голову в качестве панамки пришлось отвергнуть, так как именно сегодня ночью я уснула не в привычных плавках, а в гиперсексуальных трусиках, вытянутых вчера с самого дна Чемодана. Рубашка с длинными рукавами надевалась на голое тело, а я сейчас была не в том состоянии, чтобы получать удовольствие от развращения пионеров в «Павлике Морозове». Ступни в кедах горели, потели и плавилась, но, памятуя о босоногом возвращении из «Орбиты», я решила остаться в обуви.

Солнце стояло в зените, когда минут через сорок я добрела до последнего пирса, имея вид максимально жалкий. Голова трещала – впервые! Видимо, с непривычки. В это время я должна была уже либо отмокать, либо пить. Лучше и то и другое. У Третьего Пирса я осторожно повернула голову влево. Смогла лишь слабо кивнуть замахавшей руками Маринуле. Рядом с нею с головой, накрытой футболкой, неподвижно лежало Викино тело. Я вытерла потной ладонью капли со лба и пошла в лагерь – переодеваться.

-Настя!! – кричали мне с пирсов загорающие люди, - Подари мне счастье!!!

Ага, сейчас. Подарила уже одному... А, в общем, стоило, наверное, совершить эту прогулку. Чтобы на собственном опыте открыть для себя банальную истину.

-Поверь, Маринуля, - изрекла я вечером, прислоняясь рядом с ней к перилам на дискотеке, - Поверь мне, красота в мужчине – не главное...

Той ночью мы танцевали так, как в первый день заезда. Да еще когда Нина приехала после развода с шестью бутылками самогона - в тот раз Оленька уснула под домиком, а Суслова прямо в Зеленом Театре. Мы наслаждались каждым аккордом, упивались любым движением и нравились сами себе.

Аполлон и Давид тоже были здесь. Войдя на танцпол, они призывно заулыбались и помахали приветственно руками, концентрируя вокруг нашей компании завистливые взгляды незнакомых девушек. Под этими взглядами мы помахали им, улыбнулись и... отвернулись в другую сторону. Потом уже Ксюха сказала, что видела, как боги выходят из Зеленого Театра с девушкой-русалкой Инной. Вот и ладно.

-Может, сказать ей? - сочувственно предложила Маринуля.

-Все равно не поверит, - возразила я, - Да еще решит, что мы со зла...

-А ладно, пускай прогуляются! – засмеялась Вика, - Не все же нам одним.

Мы долго стояли у перил и смотрели. Смотрели и умилялись. Насколько же лучше по сравнению с этими пижонами наши милые, славные мэевские мальчишки!

А потом мы раскачивались, обнявшись со всеми, и вместе со всеми пели гимн «Алушты», абсолютно никуда не спеша. Обе медведицы подмигивали нам сверху и одобрительно кивали верхушки кипарисов вокруг, пока мы кружились – темные, горячие и крохотные, словно чайники в античной чаше Зеленого Театра.

И не было в тот вечер на дискотеке девушек, счастливее нас.

-как приезжала машина старая победа с хохлами на пирс
-дискотеки с машины на пирсе атаев
-наташа королева

Глава 7. ПОКА, МАЛЬЧИШКИ!! ПРИВЕТ, МАЛЬЧИШКИ!!!

*Настоящему индейцу
Нужно только одного.
Да и этого немного...
Да почти что – ничего!*
Группа «Наив»

Лагерь плакал мелким теплым дождиком.

Кончалась вторая смена. Люди уезжали, а другие люди провожали их, запихивая в очередной автобус. Проводы на Госпиталке не прекращались уже несколько дней - кто-то отбывал, а кто-то и оставался, махнув на дела рукой, чему шумно радовалась провожающая орава. Мы, конечно же, были там. В самом центре событий - а как иначе!? Ведь сегодня уезжали наши футболисты.

Мы нарекли их «футболистами» сразу, как только они появились в лагере. Вероятно потому, что они все время играли в футбол, а «футболисты» у нас уже были. И это были совсем другие люди. И другая история. По какой причине приклеилось к ним интимное определение «наши»? Это яснее ясного. Потому, что они были... наши! Нашими стали они быстро, незаметно и неожиданно для самих себя.

Просто как-то раз, когда мы по обыкновению загорали вместо обеда, четверо спортивных ребят предложили покататься на катамаране. Мы посмотрели на них - и согласились. После той памятной прогулки в шторм - после которой у меня полгода был шрам во всю спину, мы как-то не катались на катамаранах. Хотя иногда очень хотелось.

-Желаете педали покрутить, а, девченки? – спросили футболисты где-то после часа дивного времяпрепровождения.

-Нет! – дружно отказались мы, - У вас ноги футболистские, вот вы и крутите...

И они радостно крутили. Им нравилось крутить педали и менять скорость, и даже делать какие-то виражи на неповоротливом катамаране, вызывая наш визжащий восторг. Им нравилось крутить педали и смотреть, как мы плывем, прицепившись руками сзади, словно хвост воздушного змея. Как бултыхаемся, орошая их холодными брызгами. Как мы отплываем, ныряя и выныривая, словно наяды, сверкая мокрой загорелой грудью над волнами. Им нравилось поить нас вином и кормить арбузами. Они резали их на аккуратные дольки, иногда даже предварительно вынимали косточки, и давали нам их прямо туда, в воду. А мы, держась одной рукой за борт катамарана и так вот повиснув, другой подносили к губам сочную мякоть, соленую от морской воды. Мы пели им песни акапелло нестройными хмельными голосами, а они слушали и умилялись, и хохотали. По-моему, они слегка шалели от нашей бесшабашности. А может, им это все просто нравилось. Впрочем, нам это нравилось тоже.

Как ни странно, у нас с ними ничего не было. По крайней мере, у меня - точно. Там был один – высокий, плечистый, улыбчивый, с низким голосом, в общем – мой формат. Я с ним пару раз обнималась, но как-то очень целомудренно. Как с братом, которого у меня никогда не было. С любимым братом.

А с нами еще дружила одна девочка – Света М. Она жила, конечно же, в домике - так как работала тогда в профкоме МЭИ. Это была Дюймовочка. Настоящая. Воплощение всего трогательно-женственного, накопленного коллективным бессознательным. У нее все было крохотное и как будто игрушечное – рост, ручки, ножки, грудь, плечики и талия. Она была олицетворением общей детской мечты – живая кукла! Белые пушистые волосы и яркие глаза. Губки маленькие - сердечком. Любой мужчина, однажды узрев это чудо, моментально начинал ее обожать.

В те дни в лагерь заехала «фирма». Мужики из «фирмы» безнадежно отличались от всех остальных особей мужского пола, обитающих в «Алуште» и на окрестных горах. У «фирмы» в избытке было все то, чем не могли похвастать остальные - у них были импортные автомобили, большие деньги, качественный алкоголь, вкусная еда, блестящие лысины и волосатые «пивные» животы. Увидев Свету М. выходящей из Храма Омовения, вся «фирма», естественно, на нее «запала». И как-то вечером Света сказала:

-Девочки! Нас зовут на пикник.

-Куда-куда?!

Удивление наше было вполне объяснимо – ведь все, чем мы занимались с утра до вечера и с вечера до утра, да вся жизнь *там* была один Большой Пикник!

-Настоящий пикник. В заповеднике! На двух машинах. Их четверо и нужно четверо девченок... хотите поехать?

-Хотим!!!

Про заповедник мы слышали много. И только хорошее. Попасть туда было делом настолько же желанным, насколько и нереальным, по крайней мере, для простых смертных. Упустить такой шанс казалось невысказанным. Несмотря на «фирму»... Была такая песня группы «Дюна» - «Страна Лимония»: « Страна Лимония – страна без забот... в страну Лимонию ведет подземный ход, найти попробуй сам...» ну, и так далее. По поводу подземного хода - это вряд ли. Хотя... кто знает? А вообще-то – истинная правда. Была Лимония. На горе, далеко-далеко за Разгуляем, ближе к санаторию «Днепрогэс». Там они и жили. Только вот искать ее никто особенно не старался – нам и так жилось недурно. И они нашли нас сами.

Я, кстати сказать, не поехала в заповедник. То ли у меня обнаружили какие-то другие дела, то ли настроения не было, то ли места в машине на меня не хватило. А девчонки быстренько собрались – Викса, Нина, Маринуля и, само собой разумеется, Света М. Мы с Кулой пожелали им хорошо отдохнуть и они умчались по серпантину на двух сверкающих в полуденном зное иномарках.

На другой день к обеду они вернулись. Их рассказ был полон восторга перед красотой дикой природы и пестрел романтическими образами как павлопосадский платок цветами. Водопады и скалы, гроты и лавандовые поляны, миндальные и оливковые рощи соперничали в нем с закатом, звездами и запахами дикого шиповника....А еще там были шашлыки! Пиво, шампанское и коньяк. И фаршированные перцы. И алчные взгляды фирмачей, их двусмысленные шуточки и нарочитая почтительность из серии «кто девушку ужинает - тот ее и танцует...». Мои подруги никогда не были неблагодарными. Или черствыми. Или неромантичными. Но уж от всего этого великолепия души их запели как тот ополоумевший соловей, которому мы внимали как-то майской ночью прямо на загазованном Люблинском скверике... А вскоре запели и сами девочки. «Фирмачи» слушали, и подпевали, и подливали. И опять слушали. Попытались перевести общение в другое русло, мол - давайте поговорим о жизни, то да се. Тогда Кула начала читать им стихи. И они отстали.

...Шашлык был давно съеден, перцы обветрились, шампанское выдохлось, а песни иссякли. Но звезды в заповедном небе впечатлили девочек настолько, что они захотели спеть по новой - нужно ведь было как-то унять бушующий в сердце экстаз! И они исполнили весь репертуар заново, а некоторые, особенно любимые композиции, по несколько раз... К тому моменту один из четверых хозяев праздника спал прямо у потухшего костра. Второй удалился в неизвестном направлении - на минутку. Там его и застигла ночь. Двое еще держались. Правда, один мог уже только внимать и, пожалуй, хотел этого уже больше всего остального...

Наконец, ближе к утру, когда лиловая полоса за кизиловой рощицей возвестила о приближении прекрасной Эос, девочки стали подумывать об отдыхе. Но! Оставался один - главный организатор пикника. Самый стойкий, самый упрямый или просто самый хитрый. Он тихо подкрался к Свете М. И обнял ее за талию, интимно склоняясь к маленькому кукольному ушку.

-Пойдем со мной... - прошептал он таинственно, - что покажу...

Света М. пошла. Шумно сопя, он открыл багажник иномарки, порылся в нем и...

-Смотри, что у меня есть! Для тебя... Для нас...

Света М. не поверила своим глазам. В жемчужном свете зарождающегося утра перед ней переливался рубинами коллекционный «Бастардо» какого-то сумасшедшего года! При виде эдакой диковины глаза у Светы загорелись не хуже, чем у фирмача при виде Светы. Они взглянули друг на друга...

-Девченки!! Идите сюда! – позвала она, – Здесь еще осталось!

Удар был слишком силен. От потрясения и расстройства «фирмач» ничего не сказал даже тогда, когда девочки, устроившись в его комфортабельной тачке, заблокировали окна и двери, предварительно сказав «Спокойной ночи!».

Все последующие дни «фирма» демонстративно с нами не здоровалась. Более того.

-Мужики! Эй, мужики!! Не ходите с ними! Не ходите!! Они же – ДИ-НА-МО!!!

Так кричали они, когда видели нас, идущих с футболистами на пляж. Они кричали громко - так, чтобы как можно большее количество потенциальных продинамленных это услышало.

-Не ходите, не надо! Они же у вас ВСЕ выпьют! И съедят!! А потом - уснут!!!

-Мы знаем! – добродушно смеялись футболисты.

И вели нас кататься на катамаране под изумленными взглядами «фирмачей». Вот за это мы их и любили. Ну, не только за это, конечно...

-Пока, мальчишки!! - закричали мы очередным отъезжающим и замахали руками, - Встретимся первого сентября на «сачке»!

Природу посетила сегодня грустная муза, так что пейзаж с самого утра заштриховали твердым чертежным карандашом. Укрытый дымчато-серым туманом, пляж замер непривычно пустой - как во сне или в фильме Тарковского. Было прохладно и очень сыро, но никто из нас даже не помыслил о чем то другом - мы шли на Третий Пирс. Ничего не поделаешь - традиция! Тем более, в руках у нас были пакетики с сухими полотенцами. У футболистов тоже что-то лежало в пакетиках.

Футболисты уселись на чугунных столбиках, торчащих из пирса... нет, они не собирались купаться. Купаться должны были мы. И мы это знали. Тоже - традиция.

Ветра не было совсем, но вода молочно-стального цвета казалась холодной и острой - от мелких капель, взрыхляющих гладь моря миллиардами шустрых червячков. Мы бестрепетно скинули шорты и футболки, купальники отпали за ненужностью... а свой я вообще давно уже не видела.

- Чего разбросались? – заворчала Маринуля, - Промокнет же все!

-А... сейчас еще не промокло?!

-Ну, все-таки... - сказала она, аккуратно складывая вещи в пакетик.

Мы не стали с ней спорить. Прыгнули. И очутились в теплой ванной! Это было так неожиданно и славно, что мы не удержались от восторженных воплей.

-Маринуль, иди сюда! От нее даже пар идет!

Мы рассыпались в стороны как рыбки, нежданно выпущенные на волю добрым рыбаком. А потом, порезвившись всласть, собрались снова вместе. Мы стонали от упоения и выпрыгивали из воды, а воздух казался по сравнению с ней таким студеным, что мы тут же ныряли – грели голову. А когда выныривали, иголки капель кололи нам плечи, выбивая на них невидимую татуировку «СЧАСТЬЕ!». Настолько же неловко насколько азартно мы показывали фигуры из синхронного плавания - и футболиеры хохотали, изумляя раскатами счастливого смеха обезлюдевшие горы в мокрых треугольниках палаток...

Взявшись за руки, мы водили в воде хороводы и от полноты чувств пели. Пели хором, и все-таки каждая – отдельно, смежив веки в возвышенном уединении. В этом было что-то языческое... много языческого было в этом. Это были не песни, скорее – песнопения. Молитвы. Мантры. Восхваления какому то большому, теплому и доброму богу. Как ни странно футболиеры, сидящие на чугунных штуках для швартования, воспринимали все это точно так же. Они зачарованно притихли, покойно улыбаясь и безмолвствуя - вот за что мы их любили!

Иногда они манили нас к себе, и мы подплывали. И тогда в руке у меня оказывался стаканчик с Хересом. А они еще что-то протягивали, но я не могла это что-то взять - второй рукой я держалась за пирс. Я глотнула из стаканчика восхитительно терпкий, как будто бы горячий Херес... зажмурилась... и услышала сверху:

-Открой рот...

Я открыла. И ощутила на языке и губах медовую, липкую сладость дыни. Они, оказывается, вскрыли дыню, пока мы резвились как пубертатные русалки. Очистили кожу, вынули косточки, разрезали мякоть на маленькие кусочки и разлили Херес по стаканчикам. Теперь мы время от времени подплывали к пирсу словно ручные дельфины. Глотали вино и открывали рты. А они вкладывали туда новые сладкие кусочки.

-Девченки! А спойте на прощанье нашу любимую! – попросили они.

-А какая у вас любимая?

-Ну, как же! Песенка такая... На «П»!

-Это что еще за песенка на «П»? – не поняли мы.

-Ну... Такая... Ну, на «П»!! Вы что, не понимаете, что ли?!

-Не-а... - мы удивленно переглянулись и пожали плечами.

Но лица у футболиеров стали такие растерянные и тоскливые, что купаться, просто радуясь жизни, стало невозможно. Мы начали вспоминать.

-На «П»... Пойдите, пойдите... «Поворот»?! – сказала Маринуля.

-Нет, - сказали они.

-Э-э... «Позвони мне, позвони»!! – воскликнула Вика.

-Не-ет... - покачали головами футболиеры, - Да нет же, ну, она такая, классная... Вы ее все время поете!

-Может, «Приезжай хоть на денек»? – без особой надежды предположила я.

-Во! Точно!! Приезжай!!! Нет... То есть, наоборот... Уезжай!

-В смысле?

-В смысле – гуд бай... Да, правильно - гуд бай!

-А-а!!

Конечно, мы исполнили для них песенку на «П». Мы пели, а они подпевали. Была тогда довольно популярной ныне забытая песенка Анжелики Варум:

*Гуд бай, мой ма-альчик!
Гуд бай, мой миленький!
Твоя девченка уезжает навсегда-а-а...*

*И на троПинке! И на троПиночке!
Не повстречаемся мы больше никогда-а...*

И мы снова пели ее, когда автобус с футболистами, чихнув на нас черной вонючей гарью, вырुливал с Госпиталки в большую жизнь...

*Гуд бай, мой мальчик,
Гуд бай, мой миленький...*

На Госпиталке было людно, шабутно, громко. Я бы никогда не вылезала из теплого молочно-стального моря, но - пора было прощаться.

- Какие же все дураки... сидят тут... прячутся от дождя, ха... И не смыслят - вот когда нужно купаться!

- Ну и пусть прячутся. А мы никому не расскажем о том, как это было... Все равно не поверят...

Этот день навечно хранится в архиве моей памяти как раритетная авторская фотография. Все такое неявное, нечеткое, размытое... и единственный акцент на этом черно-белом снимке, как стильный модернистский изыск - ярко-желтая, круглая дыня на мраморном бетоне пирса. И золотистый Херес в белых пластиковых стаканчиках.

- Пока, мальчишки! – кричали мы им вслед, - Увидимся на «сачке»!!

- Алушта! Херес!! МЭИ!!! – несло из открытых окон автобуса.

Они уехали. А мы уселись в Гладилке, накинув на плечи мокрые полотенца - так теплее. Все вокруг – плиточные дорожки Ущелья, и газоны, и ракушечник на Госпиталке было в мелких теплых лужицах – дождик, слезы расставания и «Рояль» лились рекой. А вот закуски не было. Вовсе. Кроме бульонных кубиков «Магги», выгашенных запасливой Маринулей из кармана шорт. И мы пили, закусывая кубиком. Делаешь глоток «Рояля»; потом запиваешь водой, потому что иначе проглотить это невозможно; а потом откусываешь от ядовито-желтого спрессованного порошка ядовито-солный кусочек...

- Гадость какая! – передернуло меня.

- Насть, слушай... - встрепенулась вдруг Маринуля, - Чего мы его просто так кусаем то?

- А как его надо... сосать что ли?

- Так может, уж бульон сделаем?! И будем бульоном запивать. Вода есть... кипятыльник тоже... Как думаешь?

- Давай попробуем.

А знаете что?! В земной нашей, грешной и скорбной жизни существует таки райское наслаждение! И это отнюдь не «Баунти». Это когда в ненастный дождливый день, укрыв продрогшие плечи мокрым полотенцем, вы пьете на голодный желудок отвратительнейшую водку... а потом в рот вам вливается острое, горячее, глюконатонатриевое нечто с душистыми травками и, обволакивая небо и щеки, слегка обжигая горло, проваливается по пищеводу в желудок, согревая... и когда невольно ваш рот издает причмокивающий звук, вы понимаете, что вот сейчас, только что испытали РАЙСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ! Не верите? Попробуйте.

-Мам, дай глотнуть... Вкусно!

Я не успела опомниться, как из моей кружки уже цедил Андрюшок – мальчик из «рванины», который инициировал меня в племя женщин, бреющих ноги. Они ввалились в Гладилку, неся с собой хаос безбрежного, несокрушимого буйства, все в ярких бейсболках и мокрых плавках – видно, тоже купались.

-Привет, мальчишки... - сказали мы.

-Смотрите, демоны, какие тут мамки!

Их было пятеро. Оцеолу и Андрюшка мы уже знали. Мишку Ортегу знал весь лагерь - яркая личность. Чего стоило одно лишь его аутентичное исполнение поэмы о Мальчише-Кибальчише! Еще был Макс – высокий чернокудрый еврей с породистыми руками и глазами, вобравшими всю библейскую мудрость. Как зовут пятого, мы не знали.

-Ункас, представься, - скомандовал Андрюшок.

-Ункас. Сын Термоса. Внук Телевизора, - отрекомендовался тот.

И я опять его вспомнила. Это был тот самый блондинисто-кудрявый парень, что в начале смены сожрал мое яблоко. А потом нежданно-негаданно избавил с помощью персика от голодной смерти.

- А вас как зовут? – осведомился Ункас.

Я хотела, было, сказать, а потом - передумала. Зачем? Нет смысла еще раз выслушивать про счастье, которое я должна зачем-то дарить каждому встречному-поперечному. Тем более, что имя мое никого особо и не интересовало. Вопрос был скорее данью вежливости. Маринуля же, задетая количеством регалий Ункаса, напротив - решила не ударить в грязь лицом. И представилась довольно витиевато:

-Зовут меня Ира, - сказала она, - А зовут меня – Маринуля.

-А меня Вика, - сказала Вика.

-А меня...

Однако Кула так и не успела поведать обществу, как ее зовут. Макс выставил поиндейски руку ладонью вперед, твердо пресекая малосодержательные разговоры.

-Первым делом – самолеты! – отрезал он.

Извлек откуда-то полупустую бутылку с «Роялем», и тут же принялся его разводить, деловито булькая и не вынимая изо рта зажеванную «Ватру». Он тогда здорово напоминал одиозную дамочку из старых советских фильмов – знаете, такие, в цветастых халатиках и в бигудях, помешивают суп на коммунальной кухне...

-Ну, а девушки? – кокетливо спросила Вика.

Породистый Макс оторвался от своего занятия лишь на какие-то несколько мгновений. Глянул на нее строго и, все так же, не вынимая изо рта папироску, сказал очень серьезно:

-А девушки – потом.

Все это время Кашос молча и упрямо тянул у меня из руки кружку с «Магги». По моему он меня не узнал. А то и вовсе не зафиксировал. Но это не имело значения. У него был ТАКОЙ ИНДЕЙСКИЙ ПРОФИЛЬ... Н-да... вероятно, от определенного сочетания определенных черт сердце начинает частить само по себе. Приметив выражение моего лица, Андрюшок доброжелательно предупредил:

-Мам, «потом» вряд ли будет...

-Да? А почему?! – любопытно спросили мы.

-Потому. «Потом» нас заберет демон!

-Что?!

-Кто??!

-Д-Е-М-О-Н... - важно повторил Андрюшок, подняв для большей выразительности указательный палец.

-Как это? – не поверили мы.

- Вон, видите, у Оцеолы козырек бейсболки набок?

-Ну?!

-Если набок, значит он в «полудемоне»... А когда козырек назад - это уже «полный демон»... Понятно?

-Угу... - не очень уверенно кивнули мы.

-Да-да! - солидно подтвердил Макс.

Судя по тому, как стремительно светлели и без того прозрачные глаза Ункаса, как надолго Кашос припал к нашему бульону, как сосредоточенно Макс следил за траекторией жирного желтоватого дыма от своей папиросы, «полный демон» был не за горами...

-Да вы не расстраивайтесь, девченки... - подбодрил Андрюшок, - То есть, скво, - поправился он, - А зато Ортега вам стихи почитает, он сам сочиняет...Хотите?

-«Зато» - это за бульон что ли?

-На, мам, затянись... - примирительно сказал Андрюшок.

-Ну, пусть почитает...

Отличительной чертой Мишки Ортеги была мимика непередаваемой экспрессии. К тому же у него не было переднего зуба, и были разноцветные глаза - один карий, другой зеленый. Одевался он как вся «рванина» – что называется, с экзотической роскошью. В общем, этот индейский поэт алуштинского разлива являл собою почти психоделическое зрелище, когда встал перед нами, раскачиваясь, то ли в трансе, то ли в творческом экстазе – ни дать, ни взять, тот самый демон!

Сидит! Ворона!! На заборе!!!

- вдруг закричал он нечеловеческим голосом. А затем вкрадчиво прошипел, склонив голову набок, как хитрый старый попугай:

Казалось бы – пустя-я-як...

Ортега прищурил карий глаз, а зеленым медленно обвел присутствующих, заглядывая каждому в самую душу... И снова перешел на отчаянный рык:

А проходя-я-я-ящущий мимо м-а-а-а-альчччччччик!!!!!!!!!!

Тут накал и громкость сделались почти непереносимыми. Люди, шедшие мимо Гладилки, вздрогнули и замерли на месте. Мы затаили дыхание...

X...K EE!!! X.. K!!!!

...Наступал вечер. Дождь закончился, оставив после себя затопленные палатки, поэтическую грусть и маленькие теплые лужицы на бетонном эллинге. И все же он закончился, значит - дискотека будет.

Море темнело, а небо становилось цвета пепла от болгарских сигарет «ВТ». Мы сидели в гладилке на столе и пили «Рояль» с «Магги». Для этого все грели и грели воду в восьмьсотграммовой стеклянной банке.

Рядом со мной, болтая ногами и иногда ритмично прикасаясь ко мне мокрым полотенцем на плече, сидел Оцеола. И до тех пор, пока не наступил «полный демон», мы хлебали с ним бульон из одной кружки, а он время от времени занюхивал «Рояль», доверчиво утыкаясь мне в шею. Мишка Ортега все читал нам стихи, автобусы все отъезжали, а мы все сидели...

И не было еще целый час на Госпиталке «скво», счастливее меня.

Глава 10. ОДНА

Скажите, девушки, подружке вашей...
Итальянская песня

-Ох... как она тут будет?... Не знаю...

-Ничего. Ничего с ней не случится. Настенька у нас уже большая... В крайнем случае - погостит у своих приятелей на горе – пару-тройку деньков...

Сарказм в Виксином голосе был слишком явным, чтобы его не заметить. Даже в том разомлевшем утреннем кайфе, который я так люблю... Припоминая мне мое

приключение, она упорно забывала о том, что сама же меня туда и отправила. И с тех пор не упускала случая ехидно напеть: «Три-и счастливых дня-я, бы-ыло у меня-я... бы-ыло у меня-я-ааа...».

-Нет, ну, как ее оставить? Она же обязательно что-нибудь учудит без нас...

-А с нами, ты думаешь, не учудит?

За что люблю Нину, так это за философское отношение к жизни! Однако, о чем это они? А-а... Вспомнила. Сегодня девочки уезжают в Одессу. Там у Вики с Ниной неожиданно образовалась двоюродная тетя. И теперь им предстоит волшебное, волнующее путешествие-приключение. На катере. В Одессу! Не говоря уже о перспективе помыться горячей водой в нормальной человеческой ванне.

Оказывается, никому из них ни разу еще не доводилось бывать в сем легендарном городе. И потому вчера вечером особенно маняще звучали то и дело такие вкусные слова как «Привоз», «Дерибасовская», «Здание Оперы» и тому подобное... Я, кстати, там тоже ни разу не была, но... меня не взяли. В воспитательных целях. У тети было только три спальных места - для Вики с Ниной и для одной подружки. Кого-то нужно было не брать. Решено было единогласно, что этот кто-то - я. Они все еще обижались за те «три счастливых дня», что были у меня ...

-Да и одиноко ей станет...- переживала Маринуля.

-Ей?!

-...

-Вот заодно поймет - как это.

Я проводила их... и легла досыпать. Уехали они в несусветную рань. Лагерная машина отправлялась с утра в Алушту за продуктами и девочки как раз успевали на первый катер... Ну и подумай! Еще неизвестно захотела бы я вообще ехать, если для этого нужно так себя истязать?

...Проснувшись, я решила не умываться. Одной скучно, к тому же не грех воспользоваться тем, что никто не гонит. Свобода! Делаю - что душе угодно. Как говорится, «хочу халву ем, хочу – пряники». Если о еде, то у меня была пачка «Космоса», выделенная вчера Викой: «Больше не дам, а то ты все раздаришь - я тебя знаю!», бутылка «Рояля» и консервы.

-Настя-Подаримнесчастье! Иди к нам! – услышала я из-за кустов.

На соседней поляне, символически отделенной от нас как ширмой низенькими полупрозрачными кустами, стояла большая, шумная компания. Компания хорошая - приятные ребята и развеселые девушки, вроде бы с ЭТФа. Оказывается, перед отъездом мои поручили им обо мне заботиться – подкармливать, подпаивать, приглядывать... и так далее... Вот они меня и позвали.

-Привет...

-Проходи, гостем будешь.

У них было три палатки, (что характерно, все три были натянуты!) две больших и одна совсем маленькая. Я знала, что в маленькой живет молодой человек, который никому-никому не разрешает там спать. Даже залезать не разрешает туда. Потому что якобы у него там белое постельное белье. Эстет, в общем. Я, правда, сама не видела – не знаю. Не верится, конечно, но... Всякое бывает.

У стола сидели двое - Мама Марина и Васильна. Костерок тлел рядом, на «столе» были чашки, хлеб и аккуратно порезанный сыр на железной тарелочке. У них вообще все цивилизовано было - почти что каждое утро они варили кашу! Кто-то из ребят, конечно, варил... Нет, мы на такие подвиги были не способны.

-Мы сегодня еще не готовили, - извинилась Васильна.

Она мне очень нравилась – такая пышная огненноволосая хохотушка, похожая на ведьмочку в духе Боттичелли.

-Вот, бутербродик будешь?

-Спасибо.

Мы пили чай под утренним солнышком, и атмосфера чем-то напоминала Чеховские или Горьковские пьесы. Такие посиделки скучающей аристократии на даче... та же вселенская лень... та же приятная необязательность... те же неспешные тихие разговоры.... У них естественно были свои разговоры. Девченки вели себя, конечно, очень доброжелательно, но все равно было как-то тоскливо. И я быстро жевала почему-то безвкусный бутерброд. Он даже в меня не лез, но не хотелось обижать добрых девушек. И я запивала хлеб чаем обжигаясь, спеша уйти... Они же таинственно шептались.

-Как ты думаешь... – вполголоса говорила Мама Марина, - можно так чихнуть, чтобы «Тампакс» вылетел, а ты и не заметила?

-Я?!!

-Да нет... я. Не пойму, понимаешь, куда он мог деться... А у меня ж насморк, вот я и рассудила...

Меня охватила ностальгия - все это сильно напоминало наш с Викой незабываемый диалог после дня рождения рембригады... Я задумалась. Правда - можно ли так чихнуть? В принципе... смотря, сколько она перед этим выпила... Я уж, было, совсем решилась поделиться с ними своими соображениями, как вдруг...

-А-А-А-А-А!!!! ГАДЫ!!!

Я выплеснула на себя половину чая. Обожгла ногу, да и жалко – он с сахаром был.

-У-убью-ю-ю!!! У-уу-ууу!!!!!! У-у-ббьюу!!!!!!

Девушки застыли, побледнели – неудивительно, от такого крика волосы шевелились на головах и вставали дыбом колючки на спинах. Убеждена – в тот день у ежиков случилось несколько инфарктов.

-Гады...

Уже не угрожающе, а скорее жалостно прохрипел симпатичный встрепанный парень, вылезая из той самой одноместной палатки. Увидев нас, он сдвинул брови и свирепо заинтересовался:

-Кто?! Кто жрал макароны на моей подушке?!!!

Что-то в его виде было не то. Всмотревшись, я быстро зажала рот ладонью, чтобы не прыснуть со смеху. Его белая футболка и даже кое-где джинсы были густо заляпаны

чем-то, что при внимательном разборе оказалось не до конца переварившейся пищей – в том числе и макаронами. Утренний ветерок, поиграв иголками на сосне, донес до нас характерный запах.

-Ром... ты же сам и жрал... – осторожно заметила Васильна, - Вчера только ты жрал макароны...

Он опустил голову. Долго смотрел на свои штаны в остатках вчерашнего ужина и лицо его постепенно делалось из гневно-красного розово-смущенным...

-Ладно, я пойду, - сказала я.

Так и пошла голодная – для одной себя готовить неохота. Пить, кстати, тоже неохота. Даже купаться не тянет... Что воля, что неволя – все равно. И прибаваться уже точно ни к кому не хочется. Нет настроения. Никакого.

Получилось, что с самого утра я ничего не ела, если не считать того чая с бутербродом. Хотя можно было бы и суп сварить на костре, и в гости к кому-нибудь зайти... и на завтрак-то уж точно в столовую попасть всегда легче, чем на обед или ужин. Да хоть макароны кипятивником в Гладилке сварить можно было - если уж на то пошло, но... просто есть не хотелось.

К обеду я прибрела к пятачку у столовой. Там был фонтанчик, из которого все пили. Я попила, села на каменный парапет и стала смотреть на вход в Зеленый Театр... А как весело бывало, когда мы бежали туда по вечерам с Викой! Однажды, поужинав пивом и арбузом, пытались войти раз шесть - пока не кончилась дискотека. Только пройдем по дорожке, увитой виноградными лозами и сразу назад – в Храм... От воспоминаний стало грустно. Я отвернулась от входа в Зеленый Театр и сразу увидела Милованиху.

Милованиха была девушка неопределенного возраста и неопределенной внешности – чаще всего она выглядела бесформенной тетей, не очень то привлекательной для противоположного пола. А иногда вдруг оказывалась эффектной, что называется «интересной» женщиной к тому же глубокой и загадочной... У меня есть фотография, где Милованиха сидит на пляже в задумчивости – профиль у нее прямо римский!

Я знала ее только по рассказам. «Милованиха – человек!» - не раз слышала я такой отзыв от совершенно разных людей. Она заметила меня. Подошла. Встала рядом, помолчала и спросила:

-Чего сидишь?

Я пожала плечами. Она подумала немного. Посмотрела внимательно на меня, потом на дверь столовой. Потом опять на меня.

-Есть хочешь?

-Да так...

-Пошли.

И сразу стало понятно, почему все ее так называют.

Она обняла меня за плечи и повела. Вернее, я - ее. Потому как быстро обнаружилось, что шатает ее конкретно... Так в обнимку мы и вошли в столовую. Где и разделили ее порцию на двоих - похлебали супчик из одной тарелки, так же поступили со вторым и компотом. И все это почти в молчании, размеренно, как какое-то серьезное дело. Милованиха вообще неразговорчивая. У нее богатый внутренний

мир и она с ним общается, никого в гости не зазывает. Потом, так же молча, мы вместе добрались до Госпиталки. Сели.

-Будешь? – я протянула ей уже наполовину пустой «Космос».

-Не, спасибо. У меня свои.

Она вынула из кармана мятую, потрепанную пачку «Ватры». Подставила ладонь, потрясла. Из пачки высыпалось несколько разнокалиберных «бычков». Милованиха, внимательно изучив их, выбрала один – вполне приличный. Вид у меня, наверное, был все таки удивленный, потому что она посчитала нужным пояснить:

-Люблю, знаешь... Мне так вкуснее.

Я понимающе кивнула. Я действительно понимаю – у меня дедушка покойный всегда так говорил... Закуривал, делал пару затяжек и тушил сигарету. А потом, через какое-то время со вкусом ее раскуривал. Ему так было вкуснее. Так что я отлично понимаю - это гурманство такое, своеобразное. Любит же кто-то тухлые яйца «по-пекински».

Мимо шли люди - с пляжа, на пляж, в Храм, из Храма... А мне никуда идти неохота. Никуда идти. Если только на море... да и то не надо. Море у нас было в непосредственной близости, буквально в полуметре. Мы, можно сказать, в нем ноги мочили. Море Бзыка.

Рядом с Госпиталкой, в самом начале Ущелья есть Курилка. Две лавочки вдоль каменной стены и даже стол – очень креативный, сооруженный из огромного пня и нижних веток некогда росшего там дерева. И там была лужа. Она начиналась из под лавочки и никогда не высыхала. Туда подтекала вода откуда-то и скапливалась, а еще туда плевали, тушили окурки, проливали пиво и еще бог знает что... Там жил Бзык. Он, похоже, действительно там жил, по крайней мере, я ни разу не видела, чтобы его там не было. Утром, днем, вечером, ночью. Люди в Курилке менялись - тусовались, спали, приходили и уходили, все кроме Бзыка. Когда ему говорили иногда: «Бзыкулька, ты хоть знаешь, где тут море?!» он неизменно отвечал: «Знаю. Вот же оно! Это МОЕ море...», и показывал на лужу. Так ее и назвали – Море Бзыка. Вот и сейчас он был здесь - медитировал как всегда. А густой желтоватый плевков медленно подплывал к его босой ноге. Я невольно поморщилась, представив, что вот они сейчас соприкоснутся...

-Зачем он там сидит? И не противно ему...

-А что ты удивляешься? Он же панк. У нас под локатором панки стоят.

Мне это ничего не объяснило.

-И что, что панки?

-Как - что? Панки, они и есть панки. Панкуют.

-Как это?

Мне было так уютно сидеть в полутени и болтать с Милованихой... Так не хотелось уходить и снова чувствовать тоскливое одиночество. Я готова была бесконечно долго прикидываться душой, лишь бы продлить это блаженное послеобеденное состояние. И этот разговор.

-Как это?

-Ну, как... - растерялась Милованиха, - По всякому. Знаешь, например, как они какают?

-Нет, - твердо ответила я, - А как?

Она вздохнула, мастерски раскурила следующий бычок и стала объяснять.

-А вот как. Раздеваются до гола, залезают на сосну, садятся на ветку...

-Ну?!!

-Ну, попу свешивают оттуда и какают. А подтираются, между прочим, камушком.

-Каким камушком?

-Да обыкновенным, - она аккуратно сплюнула в Море Бзыка, - Который на земле валяется.

-Да-а...?!

Я была ошеломлена и еще какое-то время молча пыталась себе это вообразить. Но что-то не сходилось.

-А откуда у них на сосне камушки?

-А я знаю? Может, с собой берут, когда лезут... А может, им кто снизу кидает. Какая разница?

Разница действительно была небольшая. Я посмотрела на Бзыка с возросшим пиететом и даже с некоторым восхищением. И прошептала ей в ухо:

-И ты это сама видела?!

-Не-а, - беспечно отозвалась Милованиха, - только слышала.

-От кого? - не унималась я.

-Не помню. Говорят.

Потом Милованиха куда-то испарилась, так же как и возникла, ненавязчиво и мило. Просто ушла. И сразу сильно захотелось плакать. Дошло до того, что в сумерках, когда глаза окончательно разъела щипучая тоска, я села рядом с Колдуньей.

Была там одна девушка - малахольная, как мы всегда считали. Она все время бродила одна – одна загорала, одна ела, по-моему, даже на дискотеке одна танцевала. Мы не знали ее имени и между собой прозвали Колдуньей – у нее были раскосые глазищи и волнистые каштановые волосы до талии. В волосы она часто втыкала большой красный цветок. Где она брала там цветы - непонятно. Мы решили, что он искусственный. У Колдуньи была своя традиция. В сумерках – перед ужином, она выходила на пляж у Центрального Пирса. Садилась на гальку и застывала, глядя на море – ясно, выделялась. Наверное думала, так Кузя быстрее обратит на нее внимание... Ха! Ходили слухи, что Колдунья влюблена в Кузю – самого брутального оболтуса с кафедры физкультуры. Мы то знали - чтобы привлечь внимание преподав нужно со-овсем другое! Да нет, не то, что вы подумали... Им, тридцатилетним красавцам, просто необходимо было отражаться в наших шальных, развеселых, умопомрачительно юных глазах... Чтобы продлить молодость, только и всего. Господи, как же я их теперь понимаю то! Прямо до слез.

И вот, когда народ потянулся на ужин - кто в столовую, кто в гору - я вышла на пляж у Центрального Пирса. Молча села рядом с Колдуньей. Теперь мы были вдвоем. Она - с цветком в роскошных волосах, и я – в коротком сарафане и шлепках. Каждая в своем одиночестве, но – вместе. И я тогда подумала – а может, она не такая уж малахольная?

...Соседи честно позвали меня ужинать. Надо сказать, одна я питалась бы гораздо сытнее, чем обычно. Только все было невкусное... А у них опять были макароны с тушенкой и я вспомнила сегодняшнее утро...

-Не-е, спасибо!

-Ну, тогда пряник возьми, погрызи.

-Ага...

Я стала грызть пряник – большой, тульский, с приторным вареньем внутри... Напротив сидел Тарасик, тоже в гости заглянул. Мы кивнули друг другу. В это время на полянку вышел молодой человек, еще один из соседей. Высокий, белобрысый, белокожий, с розовым носом, весь такой нордический, в общем – истинный ариец.

-А я сегодня домой дозвонился... - похвалился он, развешивая на сосне мокрое полотенце.

-Как?!

-Везет...

-Молодец. Ну, и что там? Нормально?

-Да нормально, конечно. Только... - он растерянно наморщил розовый нос.... то ли они там больше нас пьют... то ли...

-То ли - что?

-Может, я чего не понял... но они говорят, что в Москве - танки!

Тишина, красноречивая настолько, что больше я такой уж и не припомню, повисла на минуту над стоянкой. Каждый думал о своем - как бывает в такие моменты. Кто-то, наверное, пытался представить - сколько же они там пьют! Я тоже сначала об этом подумала. Потом с подозрением взгляделась в арийца... да нет, вроде бы в себе человек, вменяемый. И тогда я попыталась представить себе танк в Москве. А поскольку для меня Москва в силу обстоятельств представлялась исключительно в виде микро-района Люблино, я встревожилась... Ведь по улице Судакова танк не пройдет! Деревья на скверике поломают... как же так...

Дрова трещали. То есть не дрова - сухой сосновый ящик громко постреливал в костре. Одна искра вылетела и попала на голую коленку Тарасика, торчащую из рваных джинсов. Он ойкнул, и все очнулись.

-Я же говорил - правильно остались! А то: «Пое-ехали домой, да пое-ехали...»... Сказал ведь – рано еще. Наливай, давай.

Ариец налил. Тарасик обвел всех молчаливым внимательным взглядом.

-За что пьем? – серьезно спросил Тарасик.

-За нашу победу! – ответили мы.

Я ушла к себе так ничего и не съев... да нет, можно было. Просто я сама посадила себя на эту диету. Весь день, болтаясь по тенистому Ущелью, заглядывая в окна чужих домиков, наблюдая за буйством «рванины» на Госпиталке - я вкушала одиночество в неведомых доселе количествах. Зачерпывала огромными ложками. Любопытно. В разных местах оно оказывалось разным на вкус. Утром на пляже – откровенно кислое. На Госпиталке днем – горькое, с неприятной жирной оскоминой, как касторка. А на горе вечером – даже сладковатое.

Небо, если смотреть на него августовским Крымским вечером, где-то между девятью и одиннадцатью часами, всасывает в себя человеческую душу. Растворяет – как

стакан «Рояля» растворяет рюмку фиолетового польского ликера «Экзотик-Слива». Лежа на горе – прямо на каменистой земле, я внимаю до спазмов в горле чувственным ритмам Дешешей. Чудится, этот голос знает все про меня. А гора подо мной вибрирует, отдается этому голосу. Все кому-то отдаются. Все кроме меня. И Оцеола как назло - вечно в «демоне»... И нет в жизни счастья.

Я не стала переодеваться в шорты - какая разница?! Впервые я не была в Зеленом Театре в момент звучания Гимна. Я пела Гимн одна. Лежа на горе и глядя на звезды. Даже не пела голосом, просто шевелила губами. Шептала как последнюю молитву... Вот, придут, найдут меня здесь... вот такую... а будет уже конечно - поздно...

В конце концов, лежать мне наскучило. Не все ли равно, где быть одинокой? А если все равно - то почему бы ни спуститься на набережную?

Кругом болтался народ. Проветривались после дискотеки, собирались в стайки, обсуждали дальнейшие планы... Я облокотилась на холодные перила. Черное море мерцало, плыло, бежало ртутью к лунной дорожке, и прожектора метались надо всем как безумные потерянные дети. Я слушала обрывки чужих разговоров... чей-то шепот, возбужденные голоса: «Куда идем? А сколько нас?! А у нас – сколько?!». Вскрики, всплески - кто-то уже купается, гитарный перебор... Кто-то пронесся мимо, обдав запахом пота и лосьона... Я здесь как декорация. Как этот пирс. Как будка морслужбы. Как прожектор, как столб, блин. Так вот что значит слиться с природой!

Звуки и ощущения текли сквозь меня, заволакивали тело и душу гипнотическим коконом. Прибой порывивал что-то страстное, вечерний бриз трогал меня за колени, забирался прохладными ладонями под ткань сарафана... я доверялась ему. И чем искреннее я доверялась, тем настойчивее, осязаемее делались прикосновения. Единение мое с природой продолжалось и усугублялось. Отчетливый запах костра... Заливистый пьяный смех.... И блудливый ветер... Внезапно он обнял меня так крепко, что перехватило дыхание... я глухо вскрикнула, развернулась... и угодила ртом в чьи-то влажные губы.

-А я в поцелуях – черт!

Сообщили эти самые губы невысказанно эротичным шепотом. Меня обнимал, притиснув к парапету, незнакомец. Темные волосы, немного монголоидное лицо с губами как у статуи индийского Будды из журнала «Вокруг Света» и обезоруживающе котятчий взгляд. За спиной – гитара.

-Ты кто?!

-Ты что, правда, про меня не слышала? Про парня, который в поцелуях – черт?!

Что-то слышала такое вроде... А он доказывал слова делом. И стоит признать, минут через двадцать ему это удалось. Он так целовался, что я даже в какой то момент позабыла о своем одиночестве. В тот самый момент, когда мы оказались с ним лежащими на приступке центрального пирса. Ощувив спиной холод влажного бетона, я открыла глаза... И у меня дух захватило от такой красоты! Отсюда черно-бархатная гора сливалась с черно-атласным небом, а красные искры костров на ней мешались с голубыми искрами звезд. Звезды были очень яркими, очень красивыми, но почему-то злыми. Настолько чужими и далекими, что я снова быстро закрыла глаза...

Потом мы, все так же, не размыкая объятий, упали в море. Просто перекатились сначала на бок, потом еще и ушли с головой в теплые чернила.

Море пахло сексом остро ипряно. Водорослями, влажностью, йодом и сексом. Или это от нас так пахло? Так сильно, что оно пропиталось этим запахом тоже. Пенка прибоя

шипела белесыми разводами. Может, подумала я, оно пенится от того количества спермы, что топят в нем трахающиеся на пирсах люди?

Сушиться мы пошли на Разгуляй – благо, не далеко. Мы развели костер, переоделись во что-то, разбавили мой «Рояль». Странно. Впервые он не показался мне отвлеченно горьким! Скорее нейтральным. Даже не интересно.

...Он классно играл на гитаре. И пел мне хорошо поставленным голосом грустные старинные романсы, современные шлягеры и Битлов на английском языке. Правда, это довольно быстро наскучило. Пел он поистине хорошо, но чересчур уж серьезно. Как будто в Большой Театр конкурс проходил. Я бы и сама спела, качаясь с девченками плечом к плечу. Да даже и без них спела бы! Но при нем – стеснялась. У меня ведь ни слуха, ни голоса – один кураж... так что я слушала. И готова была слушать сколько угодно, лишь бы не быть одной. Он видел эту готовность, только понимал ее по-своему. И глаза его вдохновенно блестели.

Следующий вечер прошел так же. А перед этим весь день мы не расставались – ходили за руку, загорали бок о бок, два раза пробовали заняться сексом за буйками и целовались, целовались...

-Эй, черт! Ты где пропал?!

-Познакомься, это моя девушка. А это мой друг – мы рядом живем. Я в палатке, а он на улице. В гамаке.

-А как он там спит?

-Это фигня... - уважительно протянул Черт, - А вот как он там... когда девушек к себе приводит...

Друг мне не понравился. Кривоватые худые ноги, красный загар и умные цепкие глаза.

-Я приду сегодня, - сказал Черт своему другу, - Мы придем.

-Ну-ну...

Друг оценивающе посмотрел на меня и ушел. А мы стали целоваться дальше. Потом он снова пел мне.

*Скажите, де-евушки, подружке ва-ашей...
Что я ночей не сплю, о ней мечта-а-аю...*

Они бы сказали. Сказали бы, еще как - если бы были здесь, с тоской думала я, все больше раздражаясь. Вечером третьего дня он вдруг объявил:

-Пошли теперь ко мне ночевать.

Я удивилась. Зачем? Нам и тут хорошо... Удобно. «До Храма и до эллинга рукой подать...» - процитировала я Маринулю. Вообще, я все чаще говорила их словами. И думала их мыслями. Я даже стала убирать на ночь со стола, чего раньше от меня не могла добиться даже Вика.

-Пошли! Я один в палатке...

Он вдруг начал горячо меня убеждать. Уперся рогом – не сдвинешь. Не понимаю, неужели не все равно где спать? Как последний аргумент, он выдал:

-А у меня белые простыни.

Этот припасенный в рукаве козырь должен был, по его мнению, сразить меня наповал. Но вызвал лишь легкое недоумение.

-Ты что - их из Москвы специально вез?

-Ну да!

-А... зачем?

-Как? Ты что?! Вот, представь... все спят черт те как, чет те где, черт те на чем... А я прихожу домой, а у меня – белые простыни... Представляешь?!

Я попыталась представить. Не смогла.

-Да не хочу я к тебе, отстань...

Я и вправду не хотела. А что, если приедут девченки? Вдруг раньше приедут?! А меня нет...

-Мне идти неохота, – воспользовалась я проверенной формулой.

Ну, не предполагала, что в «Алуште» столько любителей потаскать тяжести по горам.

-Я тебя отнесу!

-Да? - ничуть не удивилась я.

-На руках!!

-У-у-у...

Он явно решил, что я не поверила. В доказательство схватил меня на руки и понес. Но вот – провидение! Оно лучше знает, ему видней. И всегда, всегда надо слушать свою интуицию...

Мы шли вниз по узкой тропинке. Слева кусты и палатки, справа – обрыв. Не такой конечно обрыв как в «Грозе», а просто обрывчик. Метра четыре сухой земли, а на дне те самые железные трубы, где я так и не встретилась с Кашосом... То есть, это он шел. Я же покоилась у него на руках или висела у него на шее - кому как ближе. Тут я, конечно, как в прошлый раз не хамила - сама держалась, руками. И от нечего делать целовала в ушко... Как проницательно я разгадала его желание - еще один решил меня узурпировать! «Ну, это тебе не удастся...» - подумала я и захихикала про себя, вспомянув предыдущую попытку.

То ли от этого хихиканья, то ли от щекотки в ухе... или так было суждено. Только вдруг он зашатался. Руки у него дрогнули, нога поехала вниз по мелким камушкам... Короче, мы свалились в обрыв. Ему то хорошо. А я вот летела не только с обрыва, но и с его рук, абсолютно потеряв в воздухе ориентацию... как жива то только осталась, Господи... Ох. Видела бы меня мама! И головой долбанулась разумеется тоже я - об единственный валун, который там был.

На самом деле мне еще повезло. Могла бы и шею сломать. А так - просто содрала весь левый бок до крови. Весь. От щиколотки до виска. Я боялась смотреть и трогать тоже боялась. Но и без этого знала – с одной стороны я вся черно-красная. Черная от втершейся в кожу земли и красная от выступающей из ссадин крови.

Черт лихорадочно шупал меня на предмет перелома, стоя на коленях, ползал вокруг и слезно просил прощения... Я наверное была в шоке - еще бы! От сотрясения или,

скорее, от этих причитаний я абсолютно потеряла волю. И потому утром проснулась таки в его палатке.

...Простыня и в самом деле была белая и наволочка на подушке - тоже! Да-да, и подушка имелаась. И кроме нас в палатке действительно никого не было. Да и не могло быть, так как она была одноместная. И на горе вокруг – никого. Только в стороне между кривыми сосенками висел одинокий сетчатый гамак. А под ним рюкзак – жилище друга, поняла я. И так было тоскливо и одиноко, что хоть плачь. Я и заплакала. Я жалела себя самозабвенно. Все из меня выходило в этих слезах - и то, что меня не взяли в Одессу, и сиротливость последних дней, и вчерашнее падение... Теперь вот я не дойду сама до Разгуляя. Девочки вернутся, а меня нет. И подумают опять что-нибудь плохое. И не узнают, что я инвалид, что ножка болит и ручка и спинка и все остальное тоже... не дойду. И придется мне здесь жить, на этой скучной горе с белой простыней.

Вдруг за спиной раздался шорох. Может, ветка упала с дерева, а может черт в палатке начал просыпаться. Я не стала выяснять. Даже не обернувшись, дунула вниз так, как даже здоровая не бегала - будто от бандитов каких спасалась, честное слово! Почувствовала себя хорошо только внизу, поняв, что никто не гонится...

Вообще, я знаю только двоих людей, которые берут с собой в «Алушту» постельное белье. И к обоим у меня отчего-то нет особого доверия. Напротив, возникло какое-то досадное подозрительное чувство. Как-то это неестественно все-таки... Правда?

...Чтобы попасть на Разгуляй все равно нужно было пересечь лагерь. Так что я решила заодно уж зайти в медпункт - проведать молодого фельдшера.

Навстречу мне прохромал парень - на самодельном костыле из какой-то палки. Явно из той же палки выстругали примотанную к ноге шину. У него были глаза цвета морской волны, доброе лицо и свирепый взгляд. Он презрительно усмехнулся, пропуская меня в дверь. Это был Серега, мой будущий муж. Тогда я, правда, об этом еще не знала и, пожав плечами, вошла в медкабинет.

Глаза у меня были заплаканные и вообще вид, наверное, еще тот. Доктор, надо отдать должное его такту, ничего не спросил. Или уже на все насмотрелся? Но челюсть у него слегка отвисла. Он сделал тупое лицо и стал молча мазать меня йодом. Мазал долго, старательно, сопя и где-то протирая мокрой ваткой. Он, кажется, что-то вытаскивал маленькими щипчиками... а потом опять раскрашивал меня йодом. По-моему, рисовал иероглифы или руны, не знаю. Может, заклинание какое писал, чтобы быстрее заживало?

Потом оказалось, что он меня все-таки узнал.

-Ну, ты приходи еще, - сказал он, наблюдая, как я спускаюсь с лесенки, - Бог любит Троицу...

Нет-нет, сама я к нему больше не приходила. Но один раз меня принесли. Я бежала на «Алуштинские Звезды» и угодила ногой в глубокий водосток возле Зеленого Театра. Перелома, как ни странно, не было, но за десять минут - прямо на глазах! у меня на голени выросла «вторая икра». С тех пор осталась вмятина в кости, могу показать. Люди. Смотрите под ноги. Даже если торопитесь на клевый концерт.

Проходя мимо спортплощадки, я еще раз увидела свирепого парня на самодельном костыле. Он играл в волейбол! Да только вволю насладиться этим зрелищем не довелось. Без йода мой вид еще как-то нормально воспринимали, но вот сейчас... Такого успеха у меня еще не было.

Поспешно ретировавшись, я приняла решение – буду прятаться ото всех. Как Квазимодо на своей колокольне. Вот дойду только до Разгуляя и больше оттуда не спущусь. Никогда. Ни за что. И ни с кем. И...

-Девченки!!!

-Настень... ка...

Маринуля остановились на полуслове, и выронила сумку. Сумка тревожно брякнула о землю.

-Ну что за человек такой?! Вот я ж говорила - на два дня оставить нельзя!

-Настя, что с тобой случилось? – строго спросила Нина.

-Да-а, фигня, с обрыва полетела...

Я беспечно махнула рукой. Я уже не боялась, что у меня там что-то опасное и могла бравировать своими шрамами.

-Так я ж тебе сто раз говорила - пьяная там не ходи!

-А я и не ходила.

-Как это?!... А, ну да, понятно, ты летала...

-Почти... Потом расскажу, – засмеялась я, - Как сами? Как Одесса?! Вик!

Вика сидела под кустиком спиной к морю и была очень странного цвета - вроде как с зеленцой. При моем вопросе Вика позеленела под загаром еще больше. Ничего не ответила, только устремила на меня взгляд – не то гневный, не то умоляющий.

-Не спрашивай у нее! - страшным шепотом сказала Нина, - Ее всю дорогу так рвало... И туда и обратно... Мы ведь не знали, что она морской качки *вообще* не переносит...

Я сочувственно посмотрела на Виксу. Кажется, я ее понимала лучше всех – с детства вестибулярный аппарат доставлял мне массу подобных неприятностей. Не говоря уже про тот день рождения у рембригады...

-Да нормально, нормально Одесса. Одесса красивая. И все - больше нечего рассказывать... Говори давай - как ты здесь?! Что нового в Алуште?! Мы соскучились - ужас!

Маринуля открыла сумку, которая недавно выпала у нее из рук при виде меня.

-На, вот... - заулыбалась она, - Мы тут семечек тебе привезли. И пирожки с картошкой... ты же любишь?

-Люблю.

Вика под деревом тихонько приходила в себя. Нина, напевая, разбирала дорожные вещи. Маринуля же, побулькав водой на самом дне канистры, проворчала что-то о моей безалаберности, и принялась накрывать на стол. Все было как всегда... И еда опять была вкусной. Звезды – добрыми. А «Рояль» горьким.

Тогда я взяла второй пирожок, занюхала и стала рассказывать...

И не было во всем мире человека, счастливее меня.

Глава 11. ВЕСЕЛЫЙ ДОМИК

Когда падают одновременно три звезды, не успеваешь загадать ни одного желания. Я пробовала несколько раз – не вышло! Только не выпалась из-за этого. До утра таранилась в светлеющее небо, пока шею окончательно не свело...

В «Алушту» пришла пора звездопадов. Таких, какие бывают в Крыму в середине августа.

-Э-гей, посторонись! Чума идет!

Мы послушно прижались к колючим кустам с краю тропинки. Навстречу нам со свернутым спальником под мышкой шла с пляжа Чума. Она каждое утро шла оттуда, а каждый вечер – туда. Она там спала.

-Привет, Чумка!

-Здорово, здорово.

-Как спалось сегодня?

-Нормально...

Была там такая девушка – Чума. Она была смешная, нескладная, без передних зубов. И при всем при этом по-своему красивая. Она тоже ставила с друзьями палатку на Разгуляе, и где-то тоже наверное хранила вещи... Но каждую ночь уходила на Центральный Пирс. Одна. И спала там, объятая морем со всех сторон, осиянная луной, хранимая звездами и прожекторами пограничных катеров - как песчинка, как один из камушков гальки на берегу... Не знаю, что она там ловила, какой-то, наверное, свой личный кайф... Но я часто ей завидовала... Ее свободе. Ее одиночеству. Ее странности.

...Третья смена началась уже несколько дней назад, а в лагерь все въезжают и въезжают люди. Выпадают из автобусов и орут, как сумасшедшие, вырвавшиеся на волю из дурдома.

Мы сидим на Госпиталке. Время - час дня. И ужа часа два, как мы идем на море... С тех самых пор мне регулярно снится кошмар - как я иду, иду, иду, иду... и не могу пройти. Солнце шпарит. Печет. Плавит все вокруг. А море синим золотом мерцает рядом, всего в нескольких метрах... но мы никуда не торопимся. Мы тихи и сосредоточены. Мы знаем жизнь, поняли ее секрет, постигли тайну. Мы сами и есть эта тайна.

-Добро пожаловать, братья и сестры!

-Добро пожаловать в рай...

Только вот зачем так шуметь? Зачем кричать, зовя счастье?! Ведь оно повсюду... В седом от пыли плюще на теплых стенах при въезде в лагерь, в смолистом безмолвии сухих как ладони простудившегося человека сосен, в этих камушках и мелких ракушках, застывших в асфальте на Госпиталке... И в молчании. Тем более, что крики так неприятно отдаются в голове... О-ох-х-х... Надо бы все-таки добраться сегодня до рассола...

Расфасовкин и компания интеллигентно пили на пляже вино из канистры. Мы подошли, прилегли к ним и стали вместе смотреть, как Ероха играет в «какашечку». Они загорали с самого утра – канистра была уже наполовину пустая. И забыли вовремя перевернуть спящего Ероху. Так что теперь он отмокал. То есть валялся в полосе прибоя, неправдоподобно ослабши, а легкие волны волохали и полоскали его пунцовое с одной стороны тело как тот мусор с проплывающих катеров, что иногда прибывает к берегу... Это было его, Ерохино единение с природой. И он радовался ему по-своему. Очки лежали рядом на гальке, а он счастливо смеялся, время от времени побулькивая:

-Я - какашечка... буль-буль... я - какашечка...

Потому я и решила сначала, что Викса это про него.

-Смотри-ка... - мечтательно, но громко проговорила она, - Смотри-ка, говно в море плавает...

-А-а!! А-а-а-а!!!! – заверещала вынырнувшая только что Кула, - Где?! Где говно?! Мама-а-а-а...

-Да не бойся ты, Кул, - с досадой крикнула Вика, - Это вообще не говно! Мне показалось...

-Да?! - недоверчиво сощурилась в воде Кула, - А что же это тогда?

-Это камушек. Точно, я вижу отсюда. Купайся на здоровье.

-Ну, ладно...

И она поплыла, все дальше и дальше, мерцая осветленными волосами как очередной бело-золотистый блик на сизой воде... Минуты через две меня стукнуло:

-Вик. А разве камни плавают?

-Нет, конечно... – фыркнула Вика, - А не все ли равно, раз она спокойно теперь купается? Зачем человеку удовольствие портить...

Вечером у костра Кула сидела смиренная, задумчивая. И она все время молчала, что было на нее не похоже. Я даже заволновалась, не случилось ли чего? Она отрицательно покачала головой. Только перед самым уходом с горы тихонько спросила:

-Вик. Я вот все думаю... А разве камни плавают?

Перед дискотекой мы решили зайти в гости к Анечке Дубовой. По дороге нам встретился Андрюшок в «полудемоне». Мы входили в Ущелье, а он из него выходил.

-Мам, зашей джинсы! - распорядился он.

И протянул в руке заранее снятые штаны, которые достигли такой степени рванья, что это было уже негигиенично. Я осмотрела их с недоверием - как зашивать то? Проще выбросить...

-Мам, ну, пожалуйста...

«Я что, так плохо выгляжу?!» - чуть не оскорбилась я при нашей с ним первой встрече. Потом оказалось, что он ко всем особям женского пола обращался не иначе как «мам...». И это звучало так естественно в его устах! Внешность у него была соответствующая - лет на четырнадцать, не больше. Но было в этом еще что-то... Несмотря на кажущуюся асексуальность, такое обращение гораздо четче разделяло нас на мужчин и женщин, чем отдельный туалет, например.

Я безропотно вынесла из шестого домика иголку и нитку. Пока зашивала, Андрюшок тихонечко дышал рядом. И время от времени угощал меня «Ватрой»:

- На, мам, затянись...

Ну, а потом была ночь. Мы пили в Оцеолиной лодке на Госпиталке. Вся рванина - Макс, Ункас, Ортега... И еще Бзык. Бзык повествовал о том, как он однажды грыз чужие ногти. На ногах. В общем - панковал. Все хохотали. Не помню над чем, я плохо слушала. Оцеола снова сидел близко, я обжигалась о его плечо сквозь рукав рубашки. И он тоже не смеялся. Внезапно его губы растаяли на моих губах. Звезды накренились, небо рухнуло вниз. А я взлетела. Выходит, все же успела загадать желание на падающую звезду?!

Когда он вглядывался в меня, глаза у него были чернее морского дна в безлунную ночь. Все еще держа пальцами мой подбородок, он нежно просипел:

-Пойдешь со мной в лодку?

Я взяла его за руку. Мы поднимались по дорожке мимо столовой, мимо Косого Домика, мимо тропинки в «Америку», где я давала свой сольный концерт Расфасовкину и ребятам... И все было другое - как будто очки новые! Говорят, таким нереально четким мир становится, когда плохо видящий человек первый раз надевает очки. И хотелось длить каждый миг. Идти с ним за руку медленно-медленно. И в то же время хотелось бежать – скорее, туда, наверх! Абсолютно противоположные желания. Потому мы шли обычным, средним шагом и молчали... Мы шли к Веселому Домику.

...Будто по волшебству нам открылась уединенная полянка под луной. Беленый домик, старая лодка в стороне. Веселый Домик. Здесь издавна живут лагерные работники – сантехники в основном...

Окна у домика желтые как дикая алыча. Оцеола постучал. Открылась дверь, и стало слышно, как вкусно хрипит Высоцкий про баньку. А не менее хриплые мужские голоса подпевают... Вышел Ущ, вынес нам самогону - по рюмке, как гостеприимный хозяин. И оделяло. Это по поводу того, что Оцеола пришел ночевать с девушкой. Как бы благословил.

Самогон был ужасным. Просто ужасным. Маслянистый, сивушный, ядреный... но изумительно пах черносливом! Он то нас и добил.

Мы упали в лодку, и звезды завертелись надо мной слишком резво. Говорить я уже не могла. Только подумала участливо: «Мне то ничего... а вот ему еще и двигаться нужно...».

Теперь я понимаю. Там, в той лодке у Веселого Домика под пьяные песни Уща и шелест серебристых тополей, я отдавалась не ему. Я отдавалась звездам, мерцающим мне с Крымского неба ритмично и ласково, ветру, теплоту, как весна, морю и кипарисам вокруг Зеленого Театра. Он был только проводником всего этого к моему телу и моей душе, проводником любви. Мы все были такими - прекрасными, мускулистыми, загорелыми, пьяными, счастливыми, но все-таки лишь проводниками... Объектом любви было для нас всех что-то совсем другое, тогда мы не знали и не задумывались – что. Мы там вообще не занимались любовью. Те шаманские акты, что мы совершали с ритуальным трепетом и серьезностью – были акты дружбы. Свободы. Счастья. Здоровья. Надежды. Молодости. А любовь была в другом – во всем остальном. Любовь была в том, как мы крали вафли в Алых Парусах; в том, как футболисты подавали нам дыню в прямо в воду; в том, что я чувствовала тогда, в той лодке у Веселого Домика... В конце-концов все это меня укачало, убаюкало, загипнотизировало. В общем, я не помню, кто первым из нас уснул.

...Я проснулась под жестким подозрительно-серым одеялом. Справа меня холодил рассвет, слева согревал нежный, бархатно-атласный как у младенца или породистой собаки бок Кашоса. Свежий запах моря ворвался мне в душу наглым мальчишкой. Оглядевшись, я увидела сонные тополя над Веселым Домиком, а рядом с ним пустые трехлитровые банки из-под самогона. И поняла, что мне больше нравится просыпаться здесь, чем в душной палатке.

Я выбралась из лодки, оставив недвижимого как труп Оцеолу без сожаления, без обиды, без разочарования. Посмотрела еще раз на индейский профиль, сейчас трогательно расслабленный. В рассветном фильтре его загар был сероватым. Он казался теперь не таким уж красивым, во всяком случае, не таким... демоническим, что ли? А может - это от пыли, что покрыла нас к утру тонким слоем изысканной пудры? Пудры, которую скоро смое море. А может - после этой ночи. Я накрыла ему ноги одеялом, поцеловала в

колючую щеку. И стала спускаться навстречу рассветному морю, отдавая приветы ОПРешникам, вяло метущим Госпиталку.

В Зеленом Театре прыгали по лавочкам качки. Я не стала здороваться – зачем их отвлекать? Мы просто молча помахали друг другу руками.

Я вышла на пирс, страстно желая единения с миром. Со всей этой сумасшедшей Вселенной. Я распахнула руки, приняла в себя море. А море приняло меня. Мы были там одни в тот миг, в то утро. Совершенно одни. Море, я и Чума, сопящая в спальнике на конце пирса.

И не было в тот миг на Земле человека, счастливее меня.

ЭПИЛОГ

*Знаешь, куда спешат
Наши с тобой часы?
Знаешь, я тоже раб,
Той же мечты, что и ты...*

В. Петкун.

Вы видели фильм «Пляж» с Ди Каприо? Ну, тот, где он попадает на зачарованный наркоманский остров, а потом не может оттуда выбраться? Фильм – ничего особенного, только там есть один момент. Один единственный, но гениальный, по-моему. Когда он уже в цивилизации за чашечкой кофе находит в Интернете фотографию с того острова и понимает, что все это было с ним на самом деле. Ради этого момента я специально посмотрела голливудскую муру два раза. И в конце у меня оба раза стадом шли мурашки по коже.

Наверное, я до сих пор еще не вернулась оттуда.

И девченки тоже не вернулись. И Белый Аист, и Гаврилов, и Бзык... А может, вообще все поколение до сих пор там? То поколение...

Наше сладкое младенчество – бесконечная сонная очередь за колбасой и билетами в «Современник». Наше безоблачное детство – «Олимпиада-80» и плачущий Мишка над стадионом; соки в красивых пакетиках, исчезнувшие так же чудесно, как появились, оставив после себя подозрение в каком-то обмане. Наше мутное отрочество – скомканные в карманах пионерские галстуки при выходе из школы на улицу, неожиданное счастье на ледяной горке - когда отменили уроки по поводу смерти Брежнева. «Лебединое озеро» и посевная по телевизору. Наша пьяная юность – сухой закон, танки у Белого Дома и польский спирт «Royal» один к четырем... Наша зрелость – второе высшее, клуб «Дягилев», ежегодные сторублевые прибавки к родительской пенсии, а по телевизору - «Дом 2». Рим времен упадка. Содом и Гоморра. В общем – полный «духless». Наши ангелы-хранители – дедушки, начертавшие слово «Победа» на стенах Рейхстага и бабушки, в пятнадцать лет делавшие бомбы на заводах. Какой будет наша старость после всего этого... не все ли равно?

Нас уже ничем не удивишь. Не испугаешь. И не обманешь. И нам не нужно стремиться к светлому будущему. Мы знаем – оно у нас уже было. То, ради чего стоит жить. В глубине сердца, отравленного карьерой, выжженного первой любовью, опустошенного супружеством и все же ноющего за судьбы детей у мониторов - у каждого из нас есть свой «пляж».

У вас бывает такое, например, что, проходя мимо какого-нибудь курящего парня на улице, вы еле останавливаете себя, уже открыв рот, чтобы бросить ему небрежно: «Слышь, оставь «пяточку!»? Ловите себя на желании или попытках сесть на асфальт на автобусной остановке, в холле театра или на эскалаторе метро? Или у вас до сих пор текут слюнки от запаха копченой курицы, а вид макарон с тушенкой вызывает стойкую оскмину? А с приходом первой оттепели каждую ночь назойливо снится море? Ну, значит, скорее всего, вы там были...

В тридцать пять-сорок лет мы все очень заняты. Реже встречаемся, почти не перезваниваемся. Мы весьма озабочены серьезным и трудным делом – мы пытаемся получать удовольствие от жизни. Здесь и сейчас. Надо жить здесь и сейчас. Так говорят психологи, Далай Ламы и гуру всех направлений от даосов до каббалистов. Не как жили раньше – надеждами и мечтами, и не как будем потом – воспоминаниями и сожалениями. А здесь и сейчас. Это трудно, но все мы смутно понимаем - если не сейчас, то уже никогда. И мы честно пробуем.

Каждый делает это по-своему. Кто-то вкладывается в работу, используя все возможности для максимального роста и всяческих достижений. Кто-то наоборот – кладет на суету сует с прибором и созерцает, открывая для себя прелесть бездумного существования. Кто-то пускается во все тяжкие, пытаясь догнать молодые годы – разводится, женится, заводит и бросает молодых красивых любовниц - седина в бороду... Кто-то пьет. Многие пьют. Это те у кого не получается внушить себе радость жизни. Им нужен допинг, чтобы вставать утром с постели. Кто-то бросает пить, пытаясь найти

удовольствие в спортивном образе жизни. Кто-то бросает все и начинает с нуля, осуществляя детскую мечту...

-Ну, девчонки, давайте за Алушту!

-За лошадь, в смысле?

Мы сидим у Маринули на даче. Наши дети бегают вокруг костра, периодически бросая в него влажные кленовые листья. И каждый раз нос и глаза разъедает едким, горьким дымом. Так, что приходится громко прочищать горло, незаметно вытирая лицо.

-Представляете, - говорит Маринуля задумчиво, - ведь есть люди, у которых всего этого не было... Как они живут?!! Живут и не знают - даже не догадываются, что такое бывает! Представляете, как нам повезло...

-Да, повезло, - соглашается Вика, - Хотя, знаешь, ведь эти люди... Они начинают каждый день жизни, веря, что лучшее - впереди. А мы...

-А мы? – спрашиваю я.

-Что бы ни ждало впереди прекрасного и замечательного... Как мы то живем?! Зная, что самое лучшее в жизни у нас уже было....

-Может, и хорошо, что иногда мы об этом забываем?

Я ездила туда еще два раза. Девчонки – больше. Нина ездила десять лет подряд. А некоторые и теперь ездят. Говорят, там все изменилось...

Говорят, теперь у «Крота» можно в любое время поесть. И выпить. Да все что угодно! Можно вообще от этого Крота не уходить - так и жить там за столиком, под столиком, рядом со столиком... Можно выкупить себе целый домик на все лето. Поночевать там недельку, а потом уехать, отдав ключи небогатым друзьям – так сделал недавно один наш приятель, замученный ностальгией... Можно не ОПРить, не ходить на построение и зарядку... Наверное, можно заказать к завтраку пару дюжин свежих устриц - самолетом из Парижа... Но главное, я думаю, там не изменилось... и не изменится никогда. Временами мне так и представляется, что ласковый и неприкаянный Валера все так же бродит от палатки к палатке, систематически получая майкой по морде. А его все так же зовут и ждут где-то в «Америке» потерянные друзья... И кто-то сказал, что Белый Аист до сих пор каждое лето гнездится в Алуште и... может, он самый мудрый?

И все так же, ближе к весне, мне снится. Что я в «Алуште». И иду к морю... иду, иду, иду... и уже вижу его, теплое, синее, золотое... и никак не могу дойти. В такие дни я начинаю беспокоиться. Гундеть и канючить. И, наконец, выдаю:

-Серег... давай на три дня хотя бы... А?! Только на море посмотрим и назад. А?! Ну, пожа-а-алууйста, пое-е-ехали...

-Нет! - твердо отвечает мой муж, - «Алушта» - это такое место... Туда надо либо жениться ехать, либо разводиться... Нет, не поедем.

Он абсолютно прав. Это именно такое место. Жизнь много раз уже доказывала это, а редкие исключения как всегда только подтверждают правило. Я понимаю, правда... и каждый раз думаю: «Ну, может на следующий год... Как-нибудь... Когда уже не страшно будет разводиться?».

У кого-то были там совсем другие истории, более интересные и увлекательные. Но я вспоминаю свою.

Кто-то регулярно срывается туда – вдруг, неожиданно, в одиночку. Но впечатления у всех примерно одинаковые: «Не-а, не то... Не то что-то. Как-то не так... Или мы уж не те?...». Ну, конечно, не то! И не так. И не туда. Ведь *туда... туда* можно попасть только на поезде памяти – в грязном плацкартном вагоне, каких сейчас наверняка уж тоже нет. И

не надо брать билеты. А теперь даже выходить из дому не обязательно – в Инете есть сайт Гаврилова. Ну, я поехала, пожалуй... Встретимся в «Алуште»!

...Как-то, сидя по обыкновению в своей лодке на Госпиталке, Оцеола признался мне:

-Знаешь, я мечтаю приехать сюда когда-нибудь зимой. В ноябре или в феврале...

-Зачем?!!

-Так... постоять на пирсе. Просто посмотреть на море...

Не знаю, сделал он так когда-нибудь или нет. Только я временами очень четко вижу Оцеолу, такого, как тогда - голого и загорелого, другим я его не помню...

Он стоит на Третьем Пирсе. Вокруг бушует Черное, дикое, свинцовое море. Холодные алмазы брызг режут его шоколадно-фиолетовую кожу, зимний ветер треплет его индейский хайр. Он стоит там совсем один. И смотрит на море.

...У моих родителей в старом альбоме есть такая институтская фотография - Юл Дубов (он учился с ними в параллельной группе) сидит в аудитории с мамой голова к голове. Он читает ей Стругацких, а она смеется. На фотографии подпись фиолетовыми чернилами: МЭИ АВТФ 66-72 г.г. А Березовский в то время был там преподавом на какой-то кафедре...

И вот Гаврилов сделал сайт. А Маринуля видела Инну-русалку, случайно, в метро. Она была замученная, вся в платках и диной юбке... А Белый Аист до сих пор в Алуште... может, он правда самый мудрый?

Теперь Крым принадлежит Украине. И хохлы давно уже грозятся отобрать лагерь.

-Хоть бы его кто-нибудь купил, что ли... Есть же богатые люди – из наших!

-Говорят, уже купил Маркин... Слышали?

-Что ж... Хорошо. Все-таки - не Киркоров.

А я наливаю себе «Массандры», купленной в «Квартале» за углом. Кликаю в Инете на «Хиты Алушты» и слышу, как в моих колонках красивый голос Маркина поет Алуштинский Гимн...

*К морю сбегают палатки!
Элинг и Домик Косой!*

-Ну... За лошадь?! – предлагаю я.

-Алушта! Херес!! МЭИ!!! – подхватывают девочки.

И не бывает в такие минуты на свете людей, счастливее нас.